

Олег Ермаков

Рука как крыло и плавник

Тайна дланей землян и космитов

Oleg V. Yermakov. – The Hand as a Wing and a Fin.
The Secret of the Hands of Earthlings and Cosmites

ЧИСЛОВО

САКРАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

РИФМА ЧИСЛА, АРИФМЕТИКА СЛОВА

Киев – 2021

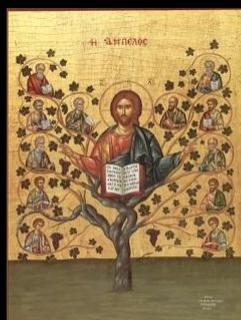
*In vino **veritas**.*

Истина — в вине (лат.).

**Все открытья мои — плоды
Вакхова метода жома, давящего
Истину, Я Мира, как сок из я'God,
из Слова, которое есть ее дом и сосуд*.
Сок Ра — Бога, Огня всех живущих,
она Глубь сердец наших, кою
познать звал Сок-Ра-т.**

* В мире нашем лик Истины — Иисус Христос, Бог Слово, Логос (греч.),
Себя зовущий «Лозой Виноградной». О том сообщается:

Спас Лоза Истинная — редкий иконографический тип, изображающий Христа в соответствии с евангельскими словами: «Я есть истинная виноградная лоза, а Отец Мой — виноградарь» (Ин. 15:1), «Аз есть лоза, вы же гроздие» (Ин. 15:5). В ранних вариантах (XV век) Христос окружен лозой, в ветвях которой изображены Богородица, Иоанн Предтеча и апостолы (то есть евангельская фраза передается буквально). В более поздних (XVII – XVIII века) вариантах усиливается евхаристическое содержание, на лозе, вырастающей в руках или из прободенного ребра Спасителя, виноградная гроздь, которую Христос отжимает в потир. Из символично-аллегорической композиция превращается в дидактически-назидательную. В греческом варианте икона подписывается «Αμπέλος», что, собственно, и означает «виноградная лоза».

URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Православная_иконография_Иисуса_Христа

...ЛОГОСЛОГОСЛОГОС...

Luna * **O**leg * **V**ladimirovich * **E**rmakov

*In the beginning was the Word, and the Word
was with God, and the Word was God.*

John 1:1

*Get to the **root** of all!*

*Kozma **Proot**kov*

(https://ru.wikipedia.org/wiki/Козьма_Прутков)

Dear Friends!

My name is Oleg Yermakov. I was born in Russia, graduated from Kyiv National University of T. Shevchenko (Ukraine), I live in Ukraine. In April 2009 I created the Unified Field Theory which I would like to offer to your attention. The work is written in Russian. Its meaning is that Einstein, creating his theory, was mistaken: he created this work as a physical theory, but it is a **LINGUISTIC** theory, because **the Word is the Root of everything**.

Your sincerely,
Oleg Yermakov

e-mail: nartin1961@gmail.com

fin — плавник, ребро киль, стабилизатор, ласт, **рука**.
flipper — флиппер, плавник, ласт, плавательная перепонка, **рука**.
arm — **рука**, рычаг, рукоятка, подлокотник, рукав, **крыло**.

Англо-русский словарь

Птах — одно из важнейших и древнейших божеств Древнего Египта. В египетской мифологии Пта был главным богом Мемфиса, создавшим Луну, Солнце и Землю.

Сакральная справка

Истоки Нила находятся в глубине африканского материка, возле высоких гор, называвшихся в Древнем Египте довольно многозначительно — **Лунные горы** (Montes Lunae).

Алексей Архипов. Селениты

Человек, **ДИТЯ** Мира, и **ДУЩЕ**е им как **ТРОП**ой к Творцу (Бог — **ЦЕЛЬ**, Мир — Путь к ней, Идущий — **АН|ТРОП**), в сути — **ПТИЦА И РЫБА**. Ведь Тело Вселенной есть **ДУХ**: **ВозДУХ-ЖИЗнь** и **ВО|ДА**, **ОКЕАН МИРОВОЙ**. С тем, идти Миром нам — **ЛЕТЕТЬ-ПЛЫТЬ: ГРЕСТИ МИР, ВОЗДУХ-ВОДУ, в ДВИ|ЖЕН|ьи VIS'ОКОМ** своем.

ЧЕЛО|ВЕЧ|ья рука — суть **КРЫЛО И ПЛАВНИК**. Буква **Ψ**, **ПСИ** (греч.), Душ́и́ знак — явь человека как **ПТИЦЫ**, к полету **КРЫЛá**; Душа, **ПСИХе** (греч.; египт. **БА**) — «**БАБОЧКА**». **ВозДУХ** живых, **АТМО|СФЕРА** — **ДУШ** (**АТМА** (санскр.)) **МЕС|ТО**: П|**РОСТ|ОР**, крыльЕв Дом.

**Крыло есть плавник птиц,
плавник есть крыло рыб.**

Рука наша в **пер**стах не едина: **БОЛЬ**шой — отстоящий. В том знак, что крыло и плавник, **FIN** (англ.), спят в ней — ведь бренье есть **плен** Розни, **сон**, — а **ПРОС**нутся с концом (**FINis** (лат.)) жизни бренной, **ФИН**алом, когда **НЫРНЕМ В МИР, ВЕЧНОСТЬ-МАТЬ** чрез **ЛУНУ, МАХ** (авест.), **В|РА|ТА** в **НЕ|БО** как **ОБЛАСТ**ь крылатых, **МАХ|АТМ**: душ, **ВЕЛИК**их (санскр. **МАХ|А**) Луной. **Очи**, **О|ПТИ|ка** — **ПТИЦА**, Душа; Полет — **О|ПТИ|мум** наш: жить — **ВИТА**'ть. **МАХАТЬ** — есть по|**ДНИ|МАТЬ**|ся: к Луне восходить как **ОТЧИ**зне землян, **НЕ|БЕС**|ам. Так к ней, сделанной **ПТА|Х**|ом Египта, поднялся **НИЛ АРМ|СТРОНГ**: доплыв **НИЛ**ом Неба, **ИСТОК** чей — Луна **(1)**, в ходе к коей

был он **РУКОЙ СИЛЬНОЙ КАК СИЛЬНЫМ К|РЫЛ|ОМ**,
коим в Вечность **РЫЛ**: в Высь как во Гл**УБ**ь.

Гости наши, **IN**'ого послы из Луны, души есть пробужденные:
птицы как **Явь (2)**. Посему **строй** перстов их **един** как крыло-
п**ЛАВ**ник в яви: **ВЕСЛ|О** их, **В|СЕЛЕН|ной ВЕСЕЛ**ых как
Шаром **ЛЮБВИ БОЖЬЕЙ (3)**, **ИСК|РА** чья
есть Че'**LOVE**'к как П'**LOVE**'ц.

1. В воззрениях Древнего Египта наземный Нил имел своей парой подземный, и он же небесный, Нил: Высь — Глубь. Началом обоих Египт зрил Луну.

2. Посему г**ра|вита**ция, Розни рука, над Гостями не **в|дас**тна: Полёт — суть **свобод**ная их.

3. **Бог** есть Лю**бо**вь; Мир, творенье Его, есть Любовь от Любви, Любовь Божья.

Разъяснения сему — в Приложениях.

ПРИЛОЖЕНИЯ

*Человек в сути — Мир. Речь
людская — глас Мира в устах
наших. Речь нам познать —
познать Мир как Себя,
вняв Оракула зов.*

Все мои труды:

<https://univ-kiev.academia.edu/OlegYermakov>

Приложение 1

AB SLOVO

САКРАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА, МОЙ МЕТОД

Ab Slovo. The sacral linguistics, my method¹

Сакральная лингвистика — наука о верном делении слова, стоящая на двух столпах. Первый: Слово как Сущность тождественно Богу и Миру (**Вселен**ной). Речет **Еван**гелие: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1:1), — т.е., сущее прежде всего, **Слово** есть Бог, Родитель, и Мир, Дитя: ведь кроме Мира у Господа нет ничего. Столп второй: Слово, сущих Оплот, не несет корень как часть свою, как мнят ныне, — *корень есть оно всё*². С тем, деление слова к Познанию вершимо не от части к Целому, но встреча — от Целого к части: в Глубь слова, сиречь **Сверху** вниз. Так, **AB OVO**, течет от **исто**ка река: Мир — от Бога. Так, Богом творим, в себе делится Мир без **разъ**я|тья; так в лоне **взРа**стает дитя: тело — из **гол'OV'**ы, его корня. Деля так, мы, с Богом идя, зрим чрез сл'**OVO** всё сущее Мира и **дверь** в Мира **Цель**ность, **Л'**уну³.

WORD IS WORLD

Суть познать — от нее ступать нам: от **Причины** к **Причине** **возвРа**тным путем кольце**вым**. Так ступает душа, коя — мы, **искРа** Божья, вершащая **Поиск**: от Бога ко Богу, **из** — **к** — **Ра**. В том — **сакРа**льной **Л'IN'**твистики суть. Луна, Речь (**Вак** (**инд.**)) — Корнь сей науки, частиц ее **Вакуум**; **датель** ее людям — **Вакх**: Слово, **Сок** Луны, **Я'God'**ы **вакантной**⁴; **автор** в миру ей — **СокРа**т, **вино**черпий его⁵; глас забытой ее — я, восшедший от физики, ложного взора (**Природа**⁶, греч. фюзис, как явь **Ares'**отеля — Мир безго**лов**ый: без Неба Земля, Дол без Выси), к линг'**VIS'**тике, науке Слова как Мира, Сосуда и Поля всего.

Труд сакральной лингвистики, Вакха стези: выжать из речи Мир как из ягоды сок, чтоб испить его нам.

¹ **Met-hod** — к **Meté**, Цели **ход**, суть наука **Ид/ти-Дос/ти**гать. От поры Аристотеля, Землю **разъ**явшего с Небом, Главой ее, слово Полета «метá» переводят как плоское «после», «за», чья имманентность, тогда как Цель — «над»: Трансцендентное, Вось, коей мудрый крылат.

² Корень, Целое, мнят ныне частью, деля **слово, корнь себя**, на корень, суффикс, приставку и окончание. Слова как корня единого явь — **Сан**/скрит (**Дева**/**нага**/ри), где буквы слов сущих с'**VIS'**ают с опоры единой, как смертные люди с Небес, бренье с Вечности: **संस्कृता**. **Пл**анка планок, Опора-**Выс**ь, Ось (**VIS'**ь (укр.)) — Речь, слов Душа: **Луна**, **Дева**, змея (**нага** (санскр.)) кольцевая.

³ «Все те, кто поистине уходит из этого мира, идут к Луне. (...) Поистине Луна — это врата небесного мира», — рекут о том Веды (**Кав**)шитаки-упа|**ниша**да, 1, 2). Поистине Небо, Вось — Мир как Ед|нство, каким и **есть он**; Земля, Дол — Мир как Рознь, коею он не есть.

⁴ Согласно открытию NASA, **Луна** — пустотельный сосуд: Пол|ность, тайная смертным очам, что навыворот зрят.

⁵ Бич дней сих, Стагиритова дочка наука не знает: искусство **СокРа**та **май**лев|тика, данное в помощь **беременным Истиной, людям**, родить Ее — есть **жсам**, **давление Ее из Слова как сока из Я'God'ы-Тьмы, Винограда** (Лозы — по Христу): царь умов **Дионисов процесс**, чьим посредством Мир, в Ягоде сей **Иноград**, извлекается из **древ**них речи корней, **Луны в ней**, ради знания его. Выжать из речи нашей, **вок**ала, Мир — **дв**ить **Лу**ну как Сосуд его: **Вак**. Речь как Мать всего, **Меи**-**Патон**у у **Грек**ов (сын коей **Патон** — муж **речистый от**мен|но; **Лу**ну звать — лягушкою **к-вак**-ать в ночь **лун**у; **Причину** петь **дол**не), **Любовь** как s|**lové**s Суть, от бед всех **Вак**шину| (с тем, **первой вакциной в миру нас** — **корова снабдила: Тьма, Ма|ть**). Посему без **бок**ала, рекут, нет **вок**ала: без **Вак**ха, **мес**лад вожака и царя Элев|синий, акадского **Син**а, владыки Луны (**Вакх есть Бьк, Сын Коровы сей, Бок, он же Рог, ее верный как Два при Нол**е, **Аполлон** как **пол-Дон**а при **Лон**е, **Лун**е) — нет и речи людей как **рек**и от **Ист**о|ка сего.

⁶ **При Род**е (Бог (стар.)) — плод Его и подобье: Мир, Божье Дитя.

Приложение 2

Пси, Птица

Душа как крылатая суть

Тайна нашей высокой природы, горящая в Слове

*Приучи душу свою к размышлению:
она скоро будет иметь орлиные крылья.*

Пифагор

Душа, наше **Я** – птица **Божья**;
Полёт – Суть ее: **крыльям** **Цель** и **Простор**,
в **Высь** **влекущий** как в **Глубь**. Он – **лекарство**
душе; Суть – **целит**; «я лечу» – есть «летаю»
и «**Небом** **лечусь**» как **Отчизной** своей.

Бог дал рúки нам **Действия ради**,
день наш — **пора day**'ствья. Но главное
дело **людей** — поход к **Богу, Вершине**
Вселенной как чистому Я нас: **Возврат как**
Полет в Суть, **Любо|вь**. Посему руки — **к|рыл|ья**.

Идущего стезей Познания, **воина** — **во Инь** торящего:
в Бога, Глубь, — **Мудрость** зовет од|**ин|око**|ю птицей*,
чей **к|лю**|в смотрит вверх: Глубь — **Высь**. В этом стремлении —
сущность Креста как **Распятия**: **длинная вер|ти|к|аль****,
перечеркивающая короткую **горизонталь** как стрела
в Небо. Сей же порыв — **корнь полетов детей**
во сне: ле|**та|ют** — значит, **растут**.

Вся **ис|то**|рья, тропа в пасть **времен** — путь **от|ья**|тья
нас от крыльев и Вертикали: **ключей от Небес**, нашей
подлинной Родины. С ними в **разлуке** мы. Но **крылья** наши
и **Высь** никуда не ушли — они **скрылись** воглубь как **душа**,
сущность наша. Как бабочка в **коконе**, она таится в нас,
червями сущих на бренной Земле. Час пробьет —
кокон лопнет, и **крылья людей** станут **явью** опять.

*Solo-way — стезя (way (англ.)) как песнь одного (solo (итг.)).

«Верти к Аль» — «тори к Господу (Аль** (араб.))», сущего **Альфе**.

Имя Псюхе (Психея), душа (БА – Египту), по-гРЕЧески – БАБОЧка: птица, крыЛАТая суть. Имя это ее НОвым нам есть метафора – смысл переносный, второй. Но в 'STAR'ь смысл этот, *Истины в прах переброс, Бога в нуль*, ARES' тотелем¹ данный нам к Розни, не сущ был. Душа была Древним крылата в еДИНственном смысле – прЯмом², ведь знал П|РАЩУ|р:

ДУША, ЧЕЛОВЕК КАК СУТЬ ГОЛАЯ –
ПТИЦА; ПОЛЁТ – YES'THEOS'ТВО НАШЕ:
В БОГА ВОЗВРАТ КАК СЕБЯ САМОЕ.

Лик души посему – буква ПСИ ГРЕКов: ПТИца, к полету раскрЫВша кРЫЛá. Смысл прЯМОЙ, ДРЕВний³ – птичий, власть крыльев – вСЕЛЕНская власть. Посему Бог егиПЕТЬский, ЕгиПТА Огнь – ПТАХ: Царь душ, горних ПТАХ Его. С тем, че'LOVE'к, первым в Небо, GAGAна (САНскр.), восшедший ДЕРзко – ГАГАРин, ГАГАРа-геРОЙ. Крылья – ОЧИ нам: оПТИКА – ПТИЦА. АНТРОПЫ ЛУНЫ, ВРАТ НЕБЕС, дУши голые – ГЛАЗ господá посему, Миром зрящие Мир⁴, и кРЫЛатые сути, закон чей – Полет, ХОД во ГЛУБЬ: в Бога, Высь: Глубь и Высь есть Одно.

С Небом ПРЕЖде един, человек был крылат; пав в ДОЛ НИЦ – стал чеРВём, РОЗНИ ЖАЛким рабом, гусеНУЦей, кому ПОЛЗать – ПОЛЬЗА. В срок свой – воспарим мы оПЯТЬ в Высь звЕЗДОЙ, ПЯТерицей! Червь – бабочкой станет; МЕТАфора-ложь – станет нам ЦЕЛЬ, МЕТА: ИСТИНА – Бог, ЛЮБОВЬ как Я наше, каким ЦЕЛы мы. Душа, ИСКРА ГосподНЯ – стЯгает Творца, Солнце-РА, как ИСТОк, что ИСКать суца, ЛОНО свое, пред каким С|К|ЛОН|ена АТМА эта, огонь КАНувший, юДОЛЬ исКАНИЙ чьих ТЬМА – бренья КРУг, ДОЛЬний КРАЙ.

ДУША НАША, ПСИХЕЯ – ПСИ-ГЕЯ: СУТЬ ПТИЦА, ДИТЯ НЕБА,
В КЛЕТКЕ ЗЕМЛИ, ДАННОЙ ЕЙ К ИСПЫТАНИЮ ТЬМОЙ.
ДУША – ПТИЦА, КРЫЛá – НОГИ НАШИ, ПОЛЕТ – НАША СУТЬ.
НА ЗЕМЛЕ СЕЙ ЖИВЯ – НЕБОМ ШЕСТВУЕМ: ЖИТЬ – ЕСТЬ ВИТА'ТЬ

¹ Данник Ареса, Розни, лишением Бога отсекий познание людей от Небес: Ум от Сердца, от Целого часть.

² Рек о том ВОЛанд, ДьяВОЛ BULL'таковский: свежесть – второй не бывает вовек. Сердцем ведает это дитя, Бога дар сему миру крылатый: http://royallib.com/book/chukovskiy_korney/ot_dvuh_do_pyati.html

³ Миру (Вселенной) согласный как ДРЕВу, чей Корень есть Бог.

⁴ Исконные нам Люди, жители Неба, Мир зрящие тем, чем он есть; мы же, падшие – зрим Мир безмирьем, нулем: Всё – ничем как дырой от него.

Приложение 3

Человек:

птица Неба в тенётах Земли

Мудрость Слова о горней природе твоей

तत् त्वम् असि или तत्त्वमसि,

*tat tvam asi (санскр.) — «ты есть то»:
не Земля — Небо, не тело — Дух.*

Еще на земле мы шествуем по Небесам.

Апостол Павел

Субъект, имя человека как активного деятеля, буквально означает «причастный ко Глуби»*. Глубь наша — **IN**ое: Высь — Дола как плоти сугубой; Земли — Небеса.

Че **LOVE**к дня сего — дитя
Неба, забывшее крылья свои.
С тем, важна **люд**ям **Память**:
то **Мать** их, гласящее Лоно.
Исток вспомнив свой — тем,
земляне, найдем путь Домой.

МУ**SKY**Л (МУСКУЛ) = МУ**SCHOOL**:
НЕБО ЕСТЬ СИЛА-ЗНАНИЕ ЛЮДЕЙ.
ЖИТЬ - **VITA**ТЬ: В НЕБЕ ПТИЦЕЙ КРУ**ЖИТЬ**.

*[https://ru.wikipedia.org/wiki/Субъект_\(философия\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Субъект_(философия))

БОГ, **ИШВАРА** (**САН**скр.) — Корнь и **ИСТО**к наш:
БОГатство богатств, наше ч**ИСТ**ое **Я**, Благо под коркой
Зла, скрывшей этот **ОГОНЬ**. **НЕБЕС**а, **SVAR** (санскр.),
He**AVEN** (англ.) — наш **ПРИЧ**ал, где в и**ТО**ге **ШВАР**туемся мы,
AVEN'ю, где гулять нам вовек: **У ЛИЦА** Бога **УЛИЦА**, Огня
про**СПЕК**т. Посему б**ОДР**ость нам — **ОДР**: порог с**МЕР**ти,
коим шагнем в Вечность; **FIN**е, отличное (англ.) — нам
ФИНал жизни т**ЛЕН**ной: в Отч**ИЗ**ну в **РА**та.

СМЕРТЬЮ ПОЗНАННОЙ — СМЕРТНОСТЬ ОТРИНЕМ СВОЮ;
в ЖИЗНЬ, **ЕДИНОЕ ДВЕРЬ** — к **ONE**'Ц НАШ!*

Бог — Огонь, **РА** (египт.), душа — **ИСКРА**
Его: **ИЗ-К-РА** — ход кольцевой от Исто**ОКА**
сего и назад, в Корень свой.

*О смерти как истинном Благе (с тем — Цели) всех смертных см. здесь:
<http://fb2.booksgid.com/content/73/cunetomo-vamamoto-hagakure-sokrytoe-v-listve/1.html>

НЕБО, ВЫСЬ, есть Единое — Родина наша, Дух, Цикл, КОЛО (ст.-слав.), от КОЛ|е s'VIS'аем мы, люди, как буквы в САНСКРИТЕ с ОСНОВЫ, Оси (VIS'ь (укр.)) их, бранным — СНА; Сила, VIS (лат.) как МУ'СКУ'лы к|РЫЛ, данных нам воспарить в ТО как Глубь (ведь Высь — Глубь), Собой стать. Небо — ŠIKOLA (чешск. школа), отколе мы СКОЛОТЫ РАне, по коей ТО'SКУ'ем, SKY'лим как по РАДОСТИ ТАЙНОЙ в стремленьи ДОСТИчь — в корне SKY'фы, СКОЛОТ'ы: с ЛУН|ы, МЕН|ы (греч.) СЕМЕНА как в РАТ в РА, Бога сущих, и в Мир, Его ПОЛЕ, чье имя есть Небо² (с тем, Скифам СТОЛИЦей И'SKY'за была: гРАд ИЗ САУС'ы, П|РИЧИН|ы с|ТОЛ). ЛЕПОте сей, в нас ТАЙНой, мир бранный сей — с-к-ЛЕП.

Неба сын — КИФаред А|ПОЛЛОН, стре'LOVE'ржец его как ПОЛ-ЛОНА сего, ПОЛОН им как сосуд своей Сутью: Ум Сердцем, ВИН|ОМ мудреца; ФЕБА сын — Э'SKY'лап, иль А-с-к-ЛЕПий, ЛЮБО|вью лечивший ЛЮДЕЙ: ЦЕЛ|ым, ЦЕЛ|ью ЦЕЛ|я падших сих: дрЕВО Корнем, ИС|ТО|ком реку. Феб — приВРАТник Луны, Неба стРАж, ВРАТЬ мастак³ (месяц чей есть ФЕБ-ВРАЛЬ), дух крепящий к Пути. С ИИСУСОМ единый, ведет этот SKY'ПЕР ДО|МОЙ нас, ПЕРнатых, с|ТЕЗ|ею кривой — пуноВИН|ОЙ ВИТ'ю Любви, властной и укрепИТЬ и убить⁴ (ведал кою СОК|РА|т, Феба глас, по'ВИТ'ухи дитя): СМЕРТЬ с Любовью — одно.

Небом всякий велик (МАХА (санскр.)); кто крыЛАТ наяву — МАГ, суть МАстер МАХАть, ПИЛИГРИМ⁵ в ЛУНУ, МАХ (авест.), бранных нас МАть, где ТАим Мир, ВАЛУН, КАМЕНЬ КАМ|ы, Любви — сущих ИСТИН|ы, АМЕН (лат.), душ VIS'оты. Мир, Глубь наша — нам К|РЫЛ|ья; СЕЛЕНой, Луною СИЛЕН че'LOVE'к как Любовью, ИстОКОМ своим.

Небо — поле Любви, человек — Ее семья; возросши гЛАВОЮ, ВЕРнется он в ПОЧВУ свою: ОЧИ — в Мир, для них сущий, ЧАСТЬ — в ЦЕЛОЕ, Космос как ЦЕЛЬ и SPACE'нье ее⁶. Небо, Высь сущих — имя его.

¹Самоназвание Скифов.

²«Все те, кто поистине уходит из этого мира, идут к Луне. (...) Поистине Луна — это врата небесного мира», — гласит Каушитаки-упа|ниш|а (I, 2).

³Прозванный за кривые очки Лу|сием, Кривым (пл|ым как з|мон).

⁴В теории космонавигации известна как улитка Шар|га.

⁵Тот, кто пл|ит| грим| свой, плоть пустую, над ней в Дух как Суть, Я свое, восходя.

⁶С тем, фамилия мужа, учившего так, Циолковский — Цет|ковский по корню его родовому: слуга Полноты.

Приложение 4

ЗОЛОТАЯ СТРЕЛА

Прямизна как оплот Человека

*Стойкость перед внешним
гнетом есть камень Сути нашей,
характер*: Дух, горный Актер
в маске плоти людской.*

* «Хар», «хор», «гор» — Огня корни. Харизма — огонь-власть; хорошо — с огоньком; хор — согласие: единство в Огне, Сути всех; горный — край огневой; Бога, Пта (египт.) область, Чердак (укр. горлице) всего, Дух как сущего Крыша (укр. дах). Гор Египта — Феб Греции: Огнь во плоти.

*Не стоит прогибаться под изменчивый мир —
Пусть лучше он прогнется под нас!*

Андрей Макаревич

Англ. **ARROW** — стрела, **NARROW** — узкий.
Единство сих слов — путь наш в То,
одинокий полёт: острый, узкий, прямой.

Прямизна есть стремление в Бога — в Любовь, сущих Цель, коей цельна Антробпа Тропа: стрела в То, героизм наш — жизнь, Смертью прямая как стержнем, чей Яма есть бог. Прямизна — ямизна: Тьмой, Нолем как Провалом единство: так Бруно пред казни костром — монолит. Смерть, Любовь — Тьма одна, сущих Столп, коим прямы они: Яма — ЯМАть, Тьма-Ноль; умереть — есть преставиться в То из Сего переставить себя, сохранив Прямизну.

С древних пор Прямизны явь — колонны, Любви стрелы в Вись, Лоно сущих: мы, люди. Любвию прям Аполлон, пример наш, стрелLOVEржец Луны — Любви, Матери всех, в Нее целящ: часть — в Целое, в Лоно — пол-Лона сего. Артемиды*, сестры Феба, лучницы храм, столп Семи** — явь сей Сути нас, Ищущих: стрелы — все стены его.

* «Искусная в стрельбе»: art — искусство (англ.), middle — средна: «десятка» Вселенной в мишени глаз наших как Сердца всего, Десяти (числом сим зрил ее Пифагор).

** Семерицы чудес сего мира: одно из них — он.

Че'LOVE'к в сути вечной своей есть Любовь, Стрела в Бога летящая; быть человеком — всходить как росток в То, Себя, кое Бог. Любовь — Бог, Цель; Любовь — и стремление к Ней, лик чей стрела. Явь сему — стрел'LOVE'ржцы благие: ERO'т, Любовь-Суть, Круг, и Феб-Аполлон, Любовь-форма, Квадрат¹ (табл. 1). Прямызна (straightness (англ.)) — Любви лик, в теле брennom, тьме Двух, явный дважды: по горизонтали и по вертикали²; с тем, чтит Пифагор квадрат как знак достоинства — силы стоять пред злом. Истинно любящий — прям как стрела: г'ERO'й, в Бога ходок. Тело наше, дань бренью, горбато — в утрате стрела как излом, Бога чуждость: ползти — не парить ее труд; горб — клеймо Аполлона: удел не взойти в То как Высь, дней ИТог, а загнуться, как Локсий³ велел. Тело Гостя, Вселенной гонца — стрела полная: Любовь как Тело-и-Дух.

Суть нагая, Круг — Сердце; прокров ее — Ум как как кость-ум: плоть, Квадрат как души урна в днях. Костюм Гостя есть Ум как слуга. Богом полный; наш — Ум-царь, пустой Сатанюю, дырой от Творца. Роль плоти нашей умной — сокрыть души, искры Божьей как сути антропа: костюм непрозрачный; сердечной плоти роль — сиянье души в ней, прозрачной как Ум, Сердцу верный: Квадрат-Круг, душа нагишом. Ведь Круг — Суть, Квадрат — форма, квадратная, ибо кругла; слитность их, антроп круглый — квадратен. С тем, тело, одет в кое Гость — явь Квадрата: пряма вертикаль хребта как фал (наше ж — изгиб, горб как гроб нам⁴), и горизонталью — без свода стопа как прогиба под бренье, чужд коего Гость как Бессмертья часть: То, государь Сему (нам — вид сей есть плоскостопье, изьян наш: из Ян — Инь торчащ, из тьмы Огнь), Узлу — Круг, явный в нем. Не столна Гостя втарит среде — та ей, царской, внидет покорно, боясь как подстилка — Столна (табл.2).

Плоть Гостя есть лунный костюм: проявитель души, ей согласный как Ум Сердцу; костюм земной, наша плоть — рознь душе и таитель ее: Ум-нарцисс.

¹ Стрелой сребролукого Феба золотой с острием из серебра был Нил Армстронг, стяжавший дом Бога, Луну как Ланону, мать Феба, металл чей — серебро (англ. luna). Челн могучий его — «Аполлон» посему.

² «Верти к Аль», Богу (араб.) — тори путь к Нему.

³ Кривой (греч.). Эпиклеса (священное прозвище) Феба.

⁴ С тем, горб в смысле древнем — спина вся; «нести на горбу» — на спине целой несть, на себе.

Таблица 1

Человек как Любовь: Прямизна, стрела стрел

Человек как Эрот	Человек как Аполлон
Стрела как Суть: Тайна, То	Стрела как форма: явь глаз бранных, Это

Таблица 2

Прямизна в плóти Гостя и Землянина

Прямизна	Космит, Гость: царь среды, Сёрдца Ум	Ното sapiens, Землянин: раб среды, Ум Ума
По вертикали: хребет	В наличии: хребет истинно прям	Отсутствует в норме: хребет имеет изгиб покорства, пружинящий в лад среде
По горизонтали: стопа	В наличии: стопа пряма по-господски	Отсутствует в норме: стопа имеет свод — изгиб покорства, страха пред землей

Таблица 3

Частота Прямыны: мы и Гости

Прямизна в Антропе	Частота ее	
	В Гостях	В нас
По форме	Всегда	Изредка — как аномалия
По сути	Всегда	Иногда — в аномалии героизма

**Человек сей Земли, брeнья червь — раб среды,
ей подвластный. Космит, антроп-Вечность —
среде господин, колеса перемен ее ось. Он безвек,
ибо пыль сего мира боится очей его; он плоскостоп,
ибо стоп его царских боится земля, прогибаясь им в лад.**

Прямизна-вертикаль **ст**олпа тела, **пер**пендикуляр — знак, что **фор**ма его, **ру**ца (санскр.) — **т**рубка Духа к соитью Сего с Тем, меж коих мы **мо**ст: путь **к**ратчайший в Себ**Я** нам, шел коим **Со**крат, **со**кратитель Стези. С тем, англ. **most** — превосходство: знак роли **с**вершенной людской как моста и зв**ен**а — **вен**ы Духа как **К**рови, без коей мы **т**руц. Чем прямой мост, тем более **С**в**Я**зь и **целёй нами Мир как собою самим**. Речено же:

Пылинкой, может, быть, считаешь человека
И признаков иных не замечаешь в нем?
Нет, части двух миров содержит он от века
И помещен меж них связующим звеном.

Абу-ль-Касим Фирдоуси Туси. Шахнаме

Человек, писал Вл. Соловьев, есть звено связи между божественным и тварным миром, в нем «природа перерастает саму себя и переходит (в сознании) в область абсолютного». Познать Звеном себя, **т**рубкой **Т**рех — стать нам космитом как Гость, антроп-Мир. О том сказано:

*...высший, т. е. солярный, человек просветит свое тело до удельного веса воздуха... для этого выработает свое тело в **трубчатое тело**, т.е. воздушное, более того, в эфирное, т.е. наилегчайшее тело (выделено мною — Авт.).*

А.В. Сухово-Кобылин. Клетанию

Бердяев сказал:

«В человеке есть двойственность: человек есть точка пересечения двух миров, он отражает в себе мир высший и мир низший», «он несет в себе образ, который есть и образ человеческий и образ Божий и есть образ человеческий в меру того, как осуществляется образ Божий».

Фрагменты работ «Мое философское мирозерцание» и «О рабстве и свободе человека»

Человек — **чело** вверх, в Тьму, как фалл-копие в Лоно это. **О**в**и**д**и**й о нашем явлении в мир сей рек:

И родился человек. Из сути божественной создан
Был он вселенной творцом, зачинателем лучшего мира,
80 Иль молодая земля, разделенная с горним эфиром
Только что, семя еще сохранила родимого неба?
Отпрыск Япета*, ее замешав речною водою,
Сделал подобье богов, которые всем управляют.
И между тем как, склонясь, остальные животные в землю
85 Смотрят, высокое дал он лицо человеку и прямо
В небо глядеть повелел, подымая к созвездиям очи.

Метаморфозы

* Прометей

Приванье сие, **тайно** в нас — **явь** в Гостях, кои истинны слуги Господни: **Служить — есть Единого ради собой, как звеном, единить То и Это**; в том — суть Прямизны. Рек поэт:

Я землі цієї паросток зелений,
Я цієї висі крапля дощова.
Заплелись у мене, приросли до мене
Жито і дерева, квіти і трава.

Ні, для мене щастя іншого не треба,
Хоч, бува, тривога, очі обпече,
Лиш би рідний колос, лиш би рідне небо
Опускали руки на моє плече.

Вадим Крищенко

Скифы: племя с Луны

Корневой народ и корневой язык Земли

*Жизнь на Землю пришла из В|селен|ной:
часть Целым жива, мир сей — Всем. Племя
первое нашей Земли — Скифы, люди с Луны,
Мены Греков: врат в То, отколь пали они —
Вечность в тлен; их язык, корневой
земным — лунная молвь, душ нагих имена.*

Scythians: the tribe from the Moon **The root people and the root language of Earth**

The life to Earth came from the Universe: the part is alive due to the Entire, this world is alive thanks to the Whole. The first tribe of our Earth were Scythians, people from the Moon; their selenic language was the root to earthly languages — the heart of human language.

**СЕЛЕНА — СЕЛЕНИЕ П|ЕРВОЕ НАШЕ:
П|ЕРНАТЫХ ГНЕЗДО (ДУША — ПТИЦА), ДОМ-КОРНЬ**

...NAMENAMENAMENAMENAMENAME...

Скифы — первые люди и первый народ на Земле

Scythians are the first people
and the first people on Earth

Чуждый времени мира сего — миру этому чужд:
время — он, бранный дом наш*. Всецелая рознь
взглядов на возраст Скифов Геродота, их
зрившего младшими в хоре Землян, и Помпея
Трога, зрившего их надревними — в сути
своей есть рознь Скифов Земле как
Адамов, нисшедших с Луны.

*Бренье, сфера вещей — е'РЕМ'я, д^уш б^ремя;
Вечность — Пространство, круг душ, ядр вещей, как Свобода их.
Вещи есть то, что вещает о душах: о сути — ко|ра ее.
Пространство — Истины храм; время — врет как утрата Ее.

ЛУНА: ПИР ЗРЯЧИХ ГЛАЗ

Лишь в бранных, смотрящих очах Луна мертвое тело, Земли *sat*'еллит; в зрячих, вечных она — Жизнь как *Ист/ин/а*, *Sat* (санскр.), *Исток-Цель*. Увидеть Луну тем, чем есть она *подлинно* — очи благие *стя*жать как Похода залог* (табл.).

Таблица

Луна и Земля в очах сущих

Небесное тело	В бранных, смотрящих очах	В очах вечных, <i>видящих</i>
Луна	безжизненный спутник Земли	Тело-Жизнь: <i>Центр</i> Сего, в То <i>в ра та</i>
Земля	наделенное жизнью (отколе — незримо) центральное тело	сосуд жизни, нисшедшей с Луны, Луны паж

*Очи эти описаны мной в Приложении 8.

MOON = SKY

Scythians, the lunar
(heavenly) people as the
founder of the earthly
humanity, the people-Adam
+ its language as the source
of all earthly languages

EARTH*

**Земля, Это — искусство Того: сосуд Жизни, устроенный ею себе, трон внизу.*

Знает мудрый: вершина горы
не горы — Неба часть. Сущность Скифов
не знать — ставить их в ряд **ис|то|рии**.
Скифы ж — внерядны, истории бóльшие
как корнь Земли: древа их Полность,
мнимая частью его. Племена бrenны —
плоть; **Скифы** — Вечности люд, души
голые: без очага **огнь**, Луна без Земли
как стезя **кочевая** — **скитанье** как Суть.

Цивилизация *Homo sapiens* произошла от **людей**, сошедших на Землю с **Луны***. Имя сему у Мудрых — **падение** Человека: **утрата** им Неба, Отчизны, **врата** чьи **Луна**. Селениты Земли — Скифы, корень **племен** сущих. **Свидетельство** тому есть **мнимая** рознь между справкою **грека** Геродота, что Скифы есть **младший** народ Земли, и взглядом римлянина Помпея Трога, что они **наидревний** народ ее, **старший** самих Египтян. **Иллюзорна**, рознь эта — раскол наших **глаз**, зрящих **Двойку**, **дi**'ру там, где **Прашур** **Одно** зрил: Мир, Суть. Ясно, Трог, чтивший труд **Геродота** святыней (муж сей — светоч Древних), с ним спорить не мог, — **правда** ж в том, что **РЕАЛЬНЫЙ** народ, сущий в мире сем как **равно** младший и старший, таков, ведь **ЗЕМЛЕ НЕ ПРИЧАСТЕН ОН ВОВСЕ**. Он — **Неба** **гонец**, в мире сем **НИКАКОЙ** — с тем, в нем он есть **Омега** и Альфа **едино**: дитя и **star**'ик как **Эрот** — **Лю|бо|вь**, Вечность под маской **ребёнка**, **державшего** в длани послушный Олимп**.

* Че' **LOVE**'ка исход от Луны, **Мены** — истина речи людской. Корень Луны в ней есть **Man**: Любовь, **Цель**, что **целит** нас и **манит** к себе; человек — **man** (англ.); первоантроп земной — **Ману** (др.-инд.); рука — **manus** (лат.); **длань** **Луны**, **автор** наш, данная нам созидать.

** **Олимп** есть **имперья** **Эрота**, **Ноля**, коей царь он. **Эрот** есть **Орел**, гений Крыл, боги — **перья** его, ему **верные**. Стрел его раб был и Феб, сын Луны (ведь Латона, его мать — она), стре' **LOVE**'ржец. Связь их вот: Эрот — суть Причина, Луна; Феб — суть Следствие, Земля. Эрот целится в Землю как в брение Вечность, Феб целит в Луну: бренье в Вечность, **Исток** свой. Стрельбой этой парною Небо и Землю в Единство спрыгают они.

LUNGUAGE (АНГЛ.)
SKY (АНГЛ.)
SKIES (АНГЛ.)
SKYTHIANS (АНГЛ.)
SKI'ФЫ (РУС.)

ОМЕГА ЕСТЬ АЛЬФА

Скифы как Последние и Первые, Младенцы и Старики

Владыки Олимпа, могучие, были бессильны
перед луком **Эрота** — крылатого
озорника-мальчугана, **пострела** горы сей:
Эрót в сути — **Эрос**, исконная **Дева**,
ТЬ|ма-Ма|ть, **мощью** высшая **Зевса**.
Так горний **STAR**'ик, дух Любви, **правил**
хором бессмертных **одев**шись в дитя.

Скифы, по **Геродоту** позднейший **народ**, — **Эрот**
тот же. Они **младше** всех, ведь под **маской** их
детства скрыт **первый**, **старейший** **народ** **Земли**,
корнь **землян**. **Народ** **с Луны**, в **Небо** **врат**, **народ-рай**.
Явь сего — имя **СКИ**фы, дар Греков, англ. **SCY**thians:
SKY'фы, гонцы Неба — нашей **Отчизны**, **Того**,
по какому **то**'**SKY**'ем мы; Мира послы, **SKY**'льптор
коего — Бог вечный. **СКОЛОТЫ**, самоназвание
их — в сути **СКОЛОТЫЕ**: Богом — с Луны
в мир бранный к **СКИ**танию в нем.

Как душа, **иск|ра** Божья¹, из Бога и в Бога ступая по кругу — **из-к-Ра** (Корня **по|иск** — **Воз|в|Ра|т**), — в плоть нисходит с Небес для **явления**, так племя землян — в сути д^уши, **скит**алицы горни, сошедшие в мир сей как в **до|льнее до|но** им. **Т** и **Ф** в речи — одно: **Т**еос — **Ф**еос². Отсюда «**ски|т**» — Скиф: имя общее душ, сшедших Свыше в **скит**³ бренья — народ **к|очевой**⁴, **Ть|ма**:

СКИФ — SKY'Ф, С НЕБА ГОСТЬ

Не|беса — Исток наш: очам зрячим — **Луна**, **ки|от** Бога, **Причины**, иль **sky'Pa** (рус. **шкура**, укр. **шкіра**) Его. **Сел|ена** — наш **Пращур**, **Над|землье**, **Корнь горний**⁵, столп **вер|ы** нам, бранным. **От|сел|ь** (панспермии уча, рек **Вер|над|ский**) сошли в мир наш Скифы: в Дол с Выси. Слог лунный есть **Ци**, **Ки: Ки|тая** — Энергии слог: Духа, Тьмы, коей **Луна полна**. С тем, «**с-Ки-ф**» — «**с Ки**»: с Луны племя, гонец коей **Феб**, сын ее⁶, **ки|фаред**. Скифов царь есть **Ски|лур**, а столица — **Ишкуза**: «**из Caus'**ы» — с **Луны**, **Причины** Земли.

Искра Божья, душа — Любви огонь, Земли высший: ведь **Бог есть Любовь**. Ею суц че **LOVEк!** С тем, **Любовь**, бог чей **Кама** — **мираж** в **мире** сем, на **Ип'**ом **камуфляж**: **Лоне**, **Инь**. Так под маской **по|стрела** **Эрота**, малейшего из олимпийцев, скрыт **Эрос**, древнейша суть (рек Гесиод), и сам **Зевс** не сильней его **стрел**. **Вино**, Любви посол в бреньи, Пу|ш|ки|н зовет посему «молодым стариком». Камуфляж тот же — Скифов черта: **Геродот** зрит их младшим **на|родом** из всех, Пом|пей|Трог — наустаршим⁷, что значит: народ сей — под маской **младенца** Дух **древний**, **Star'**ик Огонь, Земле не **причастный** как **корнь всех землян** с Неба, **Почвы** своей. Быть в сем мире враз младшим и старшим — суть быть **ника|ким** как **Иное**: под бренья лич|иной — **Тьма**, **Дух**.

В земном древе племен Скифы есть **предки всех**, а в преемстве прямом Корня — **Русичей: дух рода их**. Скифы, горни — лик Целого в части: **в сём Всё**. Таков есть и язык их: корнь всех земных, старший **санскрита** как **Сердце Ума**, др|ева корень, слуги **гос|подин**⁸. Он науки Господней оплот: стези лунной, скрыл кою очам Стагирит за наукой своей:

SCIENCE — SKY'ENCE:

наука — Неба **п|осев о|сев|ой**: в **Slove** Бог,
Жизнь-Семь (SEV|E|n) как Сем|я святое, Луна на устах.

¹ Душа есть **я наше**: живящая капля Огня в строгом, **собственном** смысле понятия — **смысле прямом**. Это, по Кастанеде, «огонь Изнутри», не опасный для плоти в разъятости с ней трансцендентным барьером — субстратом разземлюющего нас с Истиной понятия «переносный смысл», порожденного Аристотелем как способ

кривить душой. Созидательный прорыв сей грани влечет вспышку и исчезновение человека в сем мире — его **Уход, восхищение** (стар.) в Небеса с восставлением исконной духовно-телесной цельности как **обретенье Себя**. Прорыв грани губительный, редкий в миру, именуем «спонтанным самовозгоранием человека» (*spontaneous human combustion, SHC*): взятие плоти огнем как **утрата ее**, или смерть. Посему излиянье Огня как сожжение Вовнутрь — **Радость**, губительное ж — наружу: **пожар** как **жор** Зла, горе нам.

2 Оба знаменуют человека: **Т** — с|**Т**оящего раскинув руки в с|**Т**ороны, **Ф** — подбоченившегося, сиречь стоящего **фертом** как буквою сей.

3 Скит — юдоль отшельника, дом отрешенья людей от всего. Такова нам Земля, сфера бренья, в сакральной традиции — «могила духа».

4 Очей ради — скитания: в сущности — Мира, Предмета их: **видеть** — ступать нам Путем, Миром, к Цели, Творцу, в **Я** свое.

5 Жизнь ее, Древним явна, в дальнейшем пропала в **утративших Мир** очах дольных, в **Луну отойдя**. Не Жизнь скрылась: как Истина, Дух, вечно **явна** она, — очи наши ослепли, престав ее зреть.

О начальности Луны Земле и земным нам Блаватская пишет:

*Луна является спутником Земли лишь в одном отношении, именно, что физически Луна вращается вокруг Земли. Но **во всех других случаях именно Земля есть спутник Луны, а не наоборот**. Как бы ни было поразительно это явление, оно не лишено подтверждения со стороны научного знания. Оно подтверждается приливами, периодическими изменениями во многих формах болезней, совпадающими с лунными фазами; оно может быть прослежено в росте растений и ярко выражено в феномене человеческого зачатия и процесса беременности. Значение Луны и ее влияние на Землю были признаны каждою религией древности, особенно еврейской, и были отмечены многими наблюдателями психических и физических феноменов. Но пока что наука лишь знает, что воздействие Земли на Луну ограничивается физическим притяжением, заставляющим ее вращаться в ее орбите. И если бы возражатель настаивал, что этот факт, сам по себе, достаточное доказательство, что Луна действительно является спутником Земли и на других планах действия, можно ответить, задав вопрос — **будет ли мать, которая ходит вокруг колыбели своего ребенка охраняя его, подчиненной своего ребенка или же зависящей от него? Хотя, в одном смысле, она его спутник, тем не менее, она, конечно, старше и полнее развита, чем ребенок, охраняемый ею. // Следовательно, именно Луна играет самую большую и самую значительную роль как в образовании самой Земли, так и в населении ее человеческими существами. Лунные Монады или Питри, предки человека, становятся, на самом деле, самим человеком.***

Е.П. Блаватская. Тайная Доктрина. Космогенезис
http://ezoteric.polbu.ru/blavatskaya_doctrine/ch11_iv.html
(выделения в тексте – мои)

Окультно Луна является «родительницей» нашей планеты, она гораздо старше Земли (...). **Наши духовные прародители «питри» (предки) пришли с Луны** и вошли в пустые земные оболочки, одушевив их, чтобы продолжить своё эволюционное развитие на новой планете. Так учит Тайная Доктрина. Отсюда и культ почитания предков, которые являются духами, вошедшими в наши физические тела. Таким образом, **питри — это мы сами. Луна гораздо древнее Земли и даже Солнца. Именно Луна управляет Землей**, взять хотя бы приливы и отливы, рост растений, менструальный цикл у женщин — все эти жизненные явления связаны с влиянием Луны.

Тот же труд
<http://demonhost.info/807-tajny-vselennoj.html>
(выделения в тексте – мои)

Здраво видя в Луне столп Земли, Е.П.Б. мнит ее лишь пассивным звеном чреды Жизни, что, Огонь сей отдав, гаснет. Нет: **Луна — жизни Исток, Огонь навек**: нет его — нет реки, им творимой. Лик хладный Луны — явь обманная: ложь очей бранных, не зрящих Огонь, с тем — пустых без него.

6 Латона, мать Феба — у Греков Луна.

7 Трог пишет о том:

Скифское племя всегда считалось самым древним, хотя между скифами и египтянами долго был спор о древности происхождения. Египтяне хвалились, что при начале мира, когда одни страны пылали от чрезмерного солнечного жара, а другие коченели от ужасного холода, так что не могли не только первыми произвести людей, но даже принимать пришельцев... в это время Египет обладал климатом настолько умеренным, что ни зимние холода, ни летний солнечный зной не причиняли страданий его обитателям, а почва его была настолько плодородной, что ни одна страна не производила более продовольствия на пользу людям; поэтому-то первоначальной родиной людей с полным правом должна считаться та страна, где люди легче всего могли прокормиться. // Напротив, скифы вовсе не признавали умеренность климата доказательством

древности... Насколько климат Скифии суровее египетского, настолько выносливее там тела и души... Египет... мог и может быть возделываем только под условием заграждения Нила и поэтому кажется последней страной в отношении древности обитателей, так как он и образован, по-видимому, позднее всех стран посредством царских плотин или иловых наносов Нила. Такими доказательствами скифы одержали верх над египтянами и всегда казались народом более древнего происхождения.

8 Ближайшим по сути и строю к сему языку есть воцерковленный (исполненный Духа Святого) славяно-русский язык.

Ономастические свидетельства горней начальности Скифов у Геродота

По рассказам скифов, народ их — моложе всех. А произошёл он таким образом. Первым жителем этой ещё необитаемой тогда страны был человек по имени Таргитай. Родителями этого Таргитая, как говорят скифы, были Зевс и дочь реки Борисфена. Такого рода был Таргитай, а у него было трое сыновей: Липоксай, Арпоксай и самый младший — Колаксай.

Геродот. История. IV,5

Тар | **ги** | **та** | **й**: в сути — «тар-гита-тай». **Гита** — песня (санскр.): дар Неба смертным как бодрственным — **Сна**; «**тай**» — суть **Тайна**: Иное — Сему, Небо — бральной Земле.

Липоксай, **Арпоксай**, **Колаксай**: «**ксай**», конец имен этих — суть **СКАЙ**, **НЕБО** (англ.); «**сай**» — суть **Саи**: Господь, Неба Царь*:

*Саи — это Сам **Ишвара** (Владыка **Свар**, Неба — Авт.), ...это Аватар нашего времени, живой Бог, действующий Бог, Сам Всевышний Господь.*

<http://scriptures.ru/sssg.htm>

* **Саи** в повторе, течении (Речь — Река) — **Иса**: пророк мусульман, Иисус наш — Бог-Слово, Бог-Сын:

...САИСАИ...

В фильме «Белое солнце пустыни» сам Бог хранит Сухова дланью Своей под личиной **Саи**да.

Приложение 6

Преображение

Рэй Брэдбери

"Ну и запах тут", - подумал Рокуэл. От Макгайра несет пивом, от Хартли - усталой, давно не мытой плотью, но хуже всего острый, будто от насекомого, запах, исходящий от Смита, чье обнаженное тело, обтянутое зеленой кожей, застыло на столе. И ко всему еще тянет бензином и смазкой от непонятного механизма, поблескивающего в углу тесной комнатки.

Этот Смит - уже труп. Рокуэл с досадой поднялся, спрятал стетоскоп.

- Мне надо вернуться в госпиталь. Война, работы по горло. Сам понимаешь, Хартли. Смит мертв уже восемь часов. Если хочешь еще что-то выяснить, вызови прозектора, пускай вскрыют...

Он не договорил - Хартли поднял руку. Костлявой трясущейся рукой показал на тело Смита - на тело, сплошь покрытое жесткой зеленой скорлупой.

- Возьми стетоскоп, Рокуэл, и послушай еще раз. Еще только раз. Пожалуйста.

Рокуэл хотел было отказаться, но раздумал, снова сел и достал стетоскоп. Собратьям-врачам надо уступать. Прижимаешь стетоскоп к зеленому окоченелому телу, притворяешься, будто слушаешь...

Тесная полутемная комнатка вокруг него взорвалась. Взорвалась единственным зеленым холодным содроганием. Словно по барабанным перепонкам ударили кулаки. Его ударило. И пальцы сами собой отдернулись от распростертого тела.

Он услышал дрожь жизни.

В глубине этого темного тела один только раз ударило сердце. Будто отдалось далекое эхо в морской пучине.

Смит мертв, не дышит, заостенел. Но внутри этой мумии сердце живет. Живет, встрепенулось, будто еще не рожденный младенец.

Пальцы Рокуэла, искусные пальцы хирурга, старательно ощупывают мумию. Он наклонил голову. В неярком свете волосы кажутся совсем темными, кое-где поблескивает седина. Славное лицо, открытое, спокойное. Ему около тридцати пяти. Он слушает опять и опять, на гладко выбритых щеках проступает холодный пот. Невозможно поверить такой работе сердца.

Один удар за тридцать пять секунд.

А дыхание Смита - как этому поверить? - один вздох за четыре минуты. Движение грудной клетки неуловимо. Ну а температура?

Шестьдесят. (По Фаренгейту, т. е. около 16С. - Ред.)

Хартли засмеялся. Не очень-то приятный смех. Больше похожий на заблудшее эхо. Сказал устало:

- Он жив. Да, жив. Несколько раз он меня едва не одурачил. Я вводил ему адреналин, пытался ускорить пульс, но это не помогало. Уже три месяца он в таком состоянии. Больше я не в силах это скрывать. Потому я тебе и позвонил, Рокуэл. Он... это что-то противоестественное.

Да, это просто невозможно, - и как раз поэтому Рокуэла охватило непонятное волнение. Он попытался поднять веки Смита. Безуспешно. Их затащило кожей. И губы срослись. И ноздри. Воздуху нет доступа...

- И все-таки он дышит...

Рокуэл и сам не узнал своего голоса. Выронил стетоскоп, поднял и тут заметил, как дрожат руки.

Хартли встал над столом - высокий, тощий, измученный.

- Смит совсем не хотел, чтобы я тебя вызвал. А я не послушался. Смит предупредил, чтобы я тебя не вызывал. Всего час назад.

Темные глаза Рокуэла вспыхнули, округлились от изумления.

- Как он мог предупредить? Он же недвижим.

Исхудалое лицо Хартли - заострившиеся черты, упрямый подбородок, сощуренные в щелку глаза - болезненно передернулось.

- Смит... думает. Я знаю его мысли. Он боится, как бы ты его не разоблачил. Он меня ненавидит. За что? Я хочу его убить, вот за что. Смотри. - Он неуклюже полез в карман своего мятого, покрытого пятнами пиджака, вытащил блеснувший вороненой сталью револьвер.

- На, Мэрфи. Возьми. Возьми, пока я не продырявил этот гнусный полутруп!

Макгайр попятился, на круглом красном лице - испуг.

- Терпеть не могу оружие. Возьми ты, Рокуэл.

Рокуэл приказал резко, голосом беспощадным, как скальпель:

- Убери револьвер, Хартли. Ты три месяца проторчал возле этого больного, вот и дошел до психического срыва. Выспись, это помогает. - Он провел языком по пересохшим губам. - Что за болезнь подхватил Смит?

Хартли пошатнулся. Пошевелил непослушными губами. Засыпает стоя, понял Рокуэл. Не сразу Хартли удалось выговорить:

- Он не болен. Не знаю, что это такое. Только я на него зол, как мальчишка злится, когда в семье родился еще ребенок. Он не такой... неправильный. Помогите мне. Ты мне поможешь, а?

- Да, конечно, - Рокуэл улыбнулся. - У меня в пустыне санаторий, самое подходящее место, там его можно основательно исследовать. Ведь Смит... это же самый невероятный случай за всю историю медицины. С человеческим организмом такого просто не бывает!

Он не договорил. Хартли прицелился из револьвера ему в живот.

- Стоп. Стоп. Ты... ты не просто упрячешь Смита подальше, это не годится! Я думал, ты мне поможешь. Он зловредный. Его надо убить. Он опасен! Я знаю, он опасен!

Рокуэл прищурился. У Хартли явно неладно с психикой. Сам не знает что говорит. Рокуэл расправил плечи, теперь он холоден и спокоен.

- Попробуй выстрелить в Смита, и я отдам тебя под суд за убийство. Ты надорвался умственно и физически. Убери револьвер.

Они в упор смотрели друг на друга.

Рокуэл неторопливо подошел, взял у Хартли оружие, дружески похлопал по плечу и передал револьвер Мэрфи - тот посмотрел так, будто ждал, что револьвер сейчас его укусит.

- Позвони в госпиталь, Мэрфи. Я там не буду неделю. Может быть, дольше. Предупреди, что я занят исследованиями в санатории.

Толстая красная физиономия Мэрфи сердито скривилась.

- А что мне делать с пистолетом?

Хартли стиснул зубы, процедил:

- Возьми его себе. Погоди, еще сам захочешь пустить его в ход.

Рокуэлу хотелось кричать, возвестить всему свету, что у него в руках - невероятная, невиданная в истории человеческая жизнь. Яркое солнце освещало палату санатория; Смит, безмолвный, лежал на столе, красивое лицо его застыло бесстрастной зеленой маской.

Рокуэл неслышными шагами вошел в палату. Прижал стетоскоп к зеленой груди. Получалось то ли царапанье, то ли негромкий скрежет, будто металл касается панциря огромного жука.

Поодаль стоял Макгайр, недоверчиво оглядывал недвижимое тело, благоухал недавно выпитым в избытке пивом.

Рокуэл сосредоточенно вслушивался.

- Наверно, в машине скорой помощи его сильно растрясло. Не следовало рисковать...

Рокуэл вскрикнул.

Макгайр, волоча ноги, подошел к нему.

- Что случилось?

- Случилось? - Рокуэл в отчаянии огляделся. Сжал кулак. - Смит умирает!

- С чего ты взял? Хартли говорил, Смит просто прикидывается мертвым. Он и сейчас тебя дурачит...

- Нет! - Рокуэл выбивался из сил над бессловесным телом, пытался впрыснуть лекарство. Любое. И ругался на чем свет стоит. После всей этой мороки потерять Смита невозможно. Нет, только не теперь.

А там, внутри, под зеленым панцирем, тело Смита содрогалось, билось, корчилось, охваченное непостижимым бешенством, и казалось, в глубине глухо рычит пробудившийся вулкан.

Рокуэл пытался сохранить самообладание. Смит - случай особый. Обычные приемы скорой помощи не действуют. Как же тут быть? Как?

Он смотрит остановившимся взглядом. Окостенелое тело блестит в ярких солнечных лучах. Жаркое солнце. Сверкает, горит на стетоскопе. Солнце. Рокуэл смотрит, а за окном наплывают облака, солнце скрылось. В комнате стало темнее. И тело Смита затихает. Вулкан внутри успокоился.

- Макгайр! Опустит шторы! Скорей, пока не выглянуло солнце!

Макгайр повиновался.

Сердце Смита замедляет ход, удары его опять ленивы и редки.

- Солнечный свет Смику вреден. Чему-то он мешает. Не знаю, отчего и почему, но это ему опасно... - Рокуэл вздыхает с облегчением. - Господи, только бы не потерять его. Только бы не потерять. Он какой-то не такой, он создает свои правила, что-то он делает такое, чего еще не делал никто. Знаешь что, Мэрфи?

- Ну?

- Смит вовсе не в агонии. И не умирает. И вовсе ему не лучше умереть, что бы там ни говорил Хартли. Вчера вечером, когда я его укладывал на носилки, чтобы везти в санаторий, я вдруг понял - Смику я по душе.

- Бр-р! Сперва Хартли. Теперь ты. Смит тебе сам это сказал, что ли?

- Нет, не говорил. Но под этой своей скорлупой он не без сознания. Он все сознает. Да, вот в чем суть. Он все сознает.

- Просто-напросто он в столбняке. Он умрет. Больше месяца он живет без пищи. Это Хартли сказал. Хартли сперва хоть что-то вводил ему внутривенно, а потом кожа так затвердела, что уже не пропускала иглу.

Дверь одноместной палаты медленно, со скрипом отворилась. Рокуэл вздрогнул. На пороге, выпрямившись во весь свой немалый рост, стоял Хартли; после нескольких часов сна колючее лицо его стало спокойнее, но серые глаза смотрели все так же зло и враждебно.

- Выйдите отсюда, и я в два счета покончу со Смитом, - негромко сказал он. - Ну?

- Ни с места, - сердито приказал Рокуэл, подходя к нему. - Каждый раз, как явишься, вынужден буду тебя обыскивать. Прямо говорю, я тебе не доверяю. - Оружия у Хартли не оказалось. - Почему ты меня не предупредил насчет солнечного света?

- Как? - тихо, не сразу прозвучало в ответ. - А... да. Я забыл. На первых порах я пробовал передвигать Смита. Он оказался на солнце и стал умирать всерьез. Понятно, больше я не

трогал его с места. Похоже, он смутно понимал, что ему предстоит. Может, даже сам это задумал, не знаю. Пока он не заостенел окончательно и еще мог говорить и есть, аппетит у него был волчий, и он предупредил, чтобы я три месяца его не трогал с места. Сказал, что хочет оставаться в тени. Что солнце все испортит. Я думал, он меня разыгрывает. Но он не шутил. Ел жадно, как зверь, как голодный дикий зверь, потом впал в оцепенение - и вот, полюбуйтесь... - Хартли невнятно выругался. - Я-то надеялся, ты оставишь его подольше на солнце и нечаянно угробишь.

Макгайр всколыхнулся всей своей тушей - двести пятьдесят фунтов.

- Слушайте... А вдруг мы заразимся этой смитовой болезнью?

Хартли смотрел на неподвижное тело, зрачки его сузились.

- Смит не болен. Неужели не понимаешь, тут же прямые признаки вырождения. Это как рак. Им не заражаешься, это в роду и передается по наследству. Сперва у меня не было к Смицу ни страха, ни ненависти, это пришло только неделю назад - тогда я убедился, что он дышит, и существует, и процветает, хотя ноздри и рот замкнуты наглухо. Так не бывает. Так не должно быть.

- А вдруг и ты, и я, и Рокуэл тоже станем зелеными, и эта чума охватит всю страну, тогда как? - дрожащим голосом выговорил Макгайр.

- Тогда, если я ошибаюсь, - может быть, и ошибаюсь, - я умру, - сказал Рокуэл. - Только меня это ни капельки не волнует.

Он повернулся к Смицу и продолжал делать свое дело.

Колокол звонит. Колокол. Два, два колокола. Десять колоколов, сто. Десять тысяч, миллион оглушительных, гремящих, лязгающих металлом колоколов. Все разом ворвались в тишину, воют, режут, отдаются мучительным эхом, раздирают уши!

Звенят, поют голоса, громкие и тихие, высокие и низкие, глухие и пронзительные. Бьют по скорлупе громадные хлопущие, в воздухе несмолкаемый грохот и треск!

Под трезвон колоколов Смит не сразу понимает, где же он. Он знает, ему ничего не увидеть, веки замкнуты, знает - ничего ему не сказать, губы срослись. И уши тоже запечатаны, а колокола все равно оглушают.

Видеть он не может. Но нет, все-таки может, и кажется - перед ним тесная багровая пещера, словно глаза обращены внутрь мозга. Он пробует шевельнуть языком, пытается крикнуть и вдруг понимает: язык пропал - там, где всегда был язык, пустота, щемящая пустота будто жаждет вновь его обрести, но сейчас - не может.

Нет языка. Странно. Почему? Смит пытается остановить колокола. И они останавливаются, блаженная тишина окутывает его прохладным покрывалом. Что-то происходит. Происходит. Смит пробует шевельнуть пальцем, но палец не повинуется. И ступня тоже, нога, пальцы ног, голова - ничто не слушается. Ничем не шевельнешь. Ноги, руки, все тело - недвижимы, застыли, скованы, будто в бетонном гробу.

И еще через минуту страшное открытие: он больше не дышит. По крайней мере, легкими.

- Потому что у меня больше нет легких! - вопит он. Вопит где-то внутри, и этот мысленный вопль захлестнуло, опутало, скомкало и дремотно повлекло куда-то в глубину темной

багровой волной. Багровая дремотная волна обволокла беззвучный вопль, скрутила и унесла прочь, и Смиту стало спокойнее.

"Я не боюсь, - подумал он. - Я понимаю непонятное. Понимаю, что вовсе не боюсь, а почему - не знаю.

Ни языка, ни ноздрей, ни легких.

Но потом они появятся. Да, появятся. Что-то... что-то происходит."

В поры замкнутого в скорлупе тела проникает воздух, будто каждую его частицу покалывают струйки живительного дождя. Дышишь мириадами крохотных жабр, вдыхаешь кислород и азот, водород и углекислоту, и все идет впрок. Удивительно. А сердце как - бьется еще или нет?

Да, бьется. Медленно, медленно, медленно. Смутный багровый ропот возникает вокруг, поток, река... медленная, еще медленней, еще. Так славно. Так вдохновенно.

Дни сливаются в недели, и быстрее складываются в цельную картину разрозненные куски головоломки. Помогает Макгайр. В прошлом хирург, он уже многие годы у Рокуэла секретарем. Не бог весть какая подмога, но славный товарищ.

Рокуэл заметил, что хоть Макгайр ворчливо подшучивает над Смитом, но спокоен, даже очень. Силится сохранить спокойствие. А потом однажды притих, призадумался - и сказал неторопливо:

- Вот что, я только сейчас сообразил: Смит живой! Должен бы помереть. А он живой. Вот так штука!

Рокуэл расхохотался.

- А какого черта, по-твоему, я тут орудую? На той неделе доставлю сюда рентгеновский аппарат, посмотрю, что творится внутри Смитовой скорлупы.

Он ткнул иглой шприца в эту жесткую скорлупу. Игла сломалась. Рокуэл сменил иглу, потом еще одну и наконец проткнул скорлупу, взял кровь и принялся изучать образцы под микроскопом. Спустя несколько часов он преспокойно сунул результаты проб Макгайру, под самый его красный нос, заговорил быстро:

- Просто не верится. Его кровь смертельна для микробов. Я капнул взвесь стрептококков, и за восемь секунд они все погибли! Можно ввести Смиту какую угодно инфекцию - он любую бактерию уничтожит, он ими лакомится!

За считанные часы сделаны были еще и другие открытия. Рокуэл лишился сна, ночью ворочался в постели с боку на бок, продумывал, передумывал, опять и опять взвешивал потрясающие догадки. К примеру. С тех пор, как Смит заболел, и до последнего времени Хартли каждый день вводил ему внутривенно какое-то количество кубиков питательной сыворотки. Ни грамма этой пищи не использовано. Вся она сохраняется про запас - и не в жировых отложениях, а в совершенно неестественном виде: это какой-то очень насыщенный раствор, неведомая жидкость, содержащаяся у Смита в крови. Одной ее унции довольно, чтобы питать человека целых три дня. Эта удивительная жидкость движется в кровеносных сосудах, а едва организм ощутит в ней потребность, он тотчас ее усваивает. Гораздо удобнее, чем запасы жира. Несравнимо удобнее!

Рокуэл ликовал - вот это открытие! В теле Смита накопилось этого икс-раствора столько, что хватит на многие месяцы. Он не нуждается в пище извне.

Услыхав это, Макгайр печально оглядел свое солидное брюшко.

- Вот бы и мне так...

Но это еще не все. Смит почти не нуждается в воздухе. А нужное ему ничтожное количество впитывает, видимо, прямо сквозь кожу. И усваивает до последней молекулы. Никаких отходов.

- И ко всему, - закончил Рокуэл, - в последнем счете Смицу, пожалуй, вовсе не надо будет, чтоб у него билось сердце, он и так обойдется!

- Тогда он умрет.

- Для нас с тобой - да. Для самого себя - может быть. А может, и нет. Ты только вдумайся, Макгайр. Что такое сейчас Смит? Замкнутая кровеносная система, которая сама собою очищается, месяцами не требует питания извне, почти не знает перебоев и совсем ничего не теряет, ибо с пользой усваивает каждую молекулу; система саморазвивающаяся и прочно защищенная, убийственная для любых микробов. И при всем при этом Хартли еще говорит о вырождении!

Хартли принял открытие с досадой. И твердил свое: Смит перестает быть человеком. Он выродок - и опасен.

Макгайр еще подлил масла в огонь:

- Почему знать, может, возбудителя этой болезни и в микроскоп не увидишь, а он, справляясь со своей жертвой, заодно уничтожает все другие микробы. Ведь прививают же иногда малярию, чтобы излечить сифилис; отчего бы новой неведомой бацилле не пожрать все остальные?

- Довод веский, - сказал Рокуэл. - Но мы-то не заболели?

- Может быть, эта бактерия уже в нас, только ей нужен какой-то инкубационный период.

- Типичное рассуждение старомодного эскулапа. Что бы с человеком ни случилось, раз он не вмещается в привычные рамки, значит, болен, - возразил Рокуэл. - Кстати, это твоя мысль, Хартли, а не моя. Врачи не успокоятся, пока не поставят в каждом случае диагноз и не наклеят ярлычок. Так вот, по-моему, Смит здоров, до того здоров, что ты его боишься.

- Ты спятил, - сказал Макгайр.

- Возможно. Только Смицу, я думаю, вовсе не требуется вмешательство медицины. Он сам себя спасает. По-вашему, это вырождение. А по-моему, рост.

- Да ты посмотри на его кожу, - почти простонал Макгайр.

- Овца в волчьей шкуре. Снаружи - жесткий, ломкий покров. Внутри - упорядоченная перестройка, преобразование. Почему? Я начинаю догадываться. Эти внутренние перемены в Смите так бурны, что им нужна защита, броня. А ты мне вот что скажи, Хартли, только честно: боялся ты в детстве насекомых - пауков и всякой такой твари?

- Да.

- То-то и оно. У тебя фобия. Врожденный страх и отвращение, и все это обратилось на Смита. Поэтому тебе и противна эта перемена в нем.

В последующие недели Рокуэл подробно разузнал о прошлом Смита. Побывал в лаборатории электроники, где тот работал, пока не заболел. Дотошно исследовал комнату, где Смит под присмотром Хартли провел первые недели своей "болезни". Тщательно изучил стоящий в углу аппарат. Что-то связанное с радиацией.

Уезжая из санатория, Рокуэл надежно запер Смита в палате и к двери приставил стражем Макгайра на случай, если у Хартли появятся какие-нибудь завиральные мысли.

Смиту тридцать два года, и жизнь у него была самая простая. Пять лет проработал в лаборатории электроники. Никогда серьезно не болел.

Шли дни. Рокуэл пристрастился к долгим одиноким прогулкам вдоль соседнего пересохшего ручья. Так он выкраивал время подумать, обосновать невероятную теорию, что складывалась у него все отчетливей.

А однажды остановился у куста жасмина, цветущего ночами подле санатория, поднялся на цыпочки и, улыбаясь, снял с высокой ветки что-то темное, поблескивающее. Осмотрел и сунул в карман. И прошел в дом.

Он позвал с веранды Макгайра. Тот пришел. За ним, бормоча вперемешку жалобы и угрозы, плелся Хартли. Все трое сели в приемной.

И Рокуэл заговорил.

- Смит не болен. В его организме не выжить ни одной бацилле. И никакие дьяволы, бесы и злые духи в него не вселились. Упоминаю об этом в доказательство, что перебрал все мыслимые и немыслимые возможности. И любой диагноз любых обычных болезней отбрасываю. Предлагаю гораздо более важную и наиболее приемлемую возможность - замедленную наследственную мутацию.

- Мутацию? - не своим голосом переспросил Макгайр.

Рокуэл поднял и показал нечто темное, поблескивающее на свету.

- Вот что я нашел в саду, на кусте. Отлично подтверждает мою теорию. Я изучил состояние Смита, осмотрел его лабораторию, исследовал несколько вот этих штучек, - он повертел в пальцах темный маленький предмет. - И я уверен. Это метаморфоза. Перерождение, видоизменение, мутация - не до, а после появления на свет. Вот. Держи. Это и есть Смит.

И он кинул темную вещичку Хартли. Хартли поймал ее на лету.

- Это же куколка, - сказал Хартли. - Бывшая гусеница.

Рокуэл кивнул:

- Вот именно.

- Так что же, ты воображаешь, будто Смит тоже... куколка?!

- Убежден, - сказал Рокуэл.

Вечером, в темноте, Рокуэл склонился над телом Смита. Макгайр и Хартли сидели в другом конце палаты, молчали, прислушивались. Рокуэл осторожно ощупывал тело.

- Предположим, жить - значит не только родиться, протянуть семьдесят лет и умереть. Предположим, что в своем бытии человек должен шагнуть на новую, высшую степень, - и Смит первый из всех нас совершает этот шаг.

Мы смотрим на гусеницу и, как нам кажется, видим некую постоянную величину. Однако она превращается в бабочку. Почему? Никакие теории не дают исчерпывающего объяснения. Она развивается - вот что важно. Самое существенное: нечто будто бы неизменное превращается в нечто другое, промежуточное, совершенно неизвестное - в куколку, а из нее выходит бабочкой. С виду куколка мертва. Это маскировка, способ сбить со следа. Поймите, Смит сбил нас со следа. С виду он мертв. А внутри все соки клокочут, перестраиваются, бурно стремятся к одной цели. Личинка оборачивается москитом, гусеница бабочкой... а чем станет Смит?

- Смит - куколка? - Макгайр невесело засмеялся.

- Да.

- С людьми так не бывает.

- Перестань, Макгайр. Ты, видно, не понимаешь, эволюция совершает великий шаг. Осмотри тело и дай какое-то другое объяснение. Проверь кожу, глаза, дыхание, кровообращение. Неделями он запасал пищу, чтобы погрузиться в спячку в этой своей скорлупе. Почему он так жадно и много ел, зачем копил в организме некий икс-раствор, если не для этого перевоплощения? А всему причиной - излучение. Жесткое излучение в Смитовой лаборатории. Намеренно он облучался или случайно, не знаю. Но затронута какая-то ключевая часть генной структуры, часть, предназначенная для эволюции человеческого организма, которой, может быть, предстояло включиться только через тысячи лет.

- Так что же, по-твоему, когда-нибудь все люди?..

- Личинка стрекозы не остается навсегда в болоте, кладка жука - в почве, а гусеница - на капустном листе. Они видоизменяются и вылетают на простор. Смит - это ответ на извечный вопрос: что будет дальше с людьми, к чему мы идем? Перед нами неодолимой стеной встает Вселенная, в этой Вселенной мы обречены существовать, и человек, такой, каков он сейчас, не готов вступить в эту Вселенную. Малейшее усилие утомляет его, чрезмерный труд убивает его сердце, недуги разрушают тело. Возможно, Смит сумеет ответить философам на вопрос, в чем смысл жизни. Возможно, он придаст ей новый смысл.

Ведь все мы, в сущности, просто жалкие насекомые и суедемся на ничтожно маленькой планете. Не для того существует человек, чтобы вечно прозябать на ней, оставаться хилым, жалким и слабым, но будущее для него пока еще тайна, слишком мало он знает.

Но измените человека! Сделайте его совершенным. Сделайте... сверхчеловека, что ли. Избавьте его от умственного убожества, дайте ему полностью овладеть своим телом, нервами, психикой; дайте ясный, пронизательный ум, неутомимое кровообращение, тело, способное месяцами обходиться без пищи извне, освоиться где угодно, в любом климате, и побороть любую болезнь. Освободите человека от оков плоти, от бедствий плоти, и вот он уже не злосчастное ничтожество, которое страшится мечтать, ибо знает, что хрупкое тело помешает ему осуществить мечты, - и тогда он готов к борьбе, к единственной подлинно

стоящей войне. Заново рожденный человек готов противостоять всей, черт ее подери, Вселенной!

Рокуэл задохнулся, охрип, сердце его неистово колотилось; он склонился над Смитом, бережно, благоговейно приложил ладони к холодному недвижному панцирю и закрыл глаза. Сила, властная тяга, твердая вера в Смита переполняли его. Он прав. Прав. Он это знает. Он открыл глаза, посмотрел на Хартли и Макгайра: всего лишь тени в полутьме палаты, при завешенном окне.

Короткое молчание, потом Хартли погасил свою сигарету.

- Не верю я в эту теорию.

А Макгайр сказал:

- Почему ты знаешь, может быть, все нутро Смита обратилось в кашу? Делал ты рентгеновский снимок?

- Нет, это рискованно - вдруг помешает его превращению, как мешал солнечный свет.

- Так значит, он становится сверхчеловеком? И как же это будет выглядеть?

- Поживем - увидим.

- По-твоему, он слышит, что мы про него сейчас говорим?

- Слышит ли, нет ли, ясно одно: мы узнали секрет, который нам знать не следовало. Смит вовсе не желал посвящать в это меня и Макгайра. Ему пришлось как-то к нам приспособиться. Но сверхчеловек не может хотеть, чтобы все вокруг о нем узнали. Люди слишком ревнивы и завистливы, полны ненависти. Смит знает, если тайна выйдет наружу, это для него опасно. Может быть, отсюда и твоя ненависть к нему, Хартли.

Все замолчали, прислушиваются. Тишина. Только шумит кровь в висках Рокуэла. И вот он, Смит - уже не Смит, но некое вместилище с пометкой "Смит", а что в нем - неизвестно.

- Если ты не ошибаешься, нам, безусловно, надо его уничтожить, - заговорил Хартли. - Подумай, какую он получит власть над миром. И если мозг у него изменился в ту сторону, как я думаю... тогда, как только он выйдет из скорлупы, он постарается нас убить, потому что мы одни про него знаем. Он нас возненавидит за то, что мы проведали его секрет.

- Я не боюсь, - беспечно сказал Рокуэл.

Хартли промолчал. Шумное, хриплое дыхание его наполняло комнату. Рокуэл обошел вокруг стола, махнул рукой:

- Пойдемте-ка все спать, пора, как по-вашему?

Машину Хартли скрыла завеса мелкого морозящего дождя. Рокуэл запер входную дверь, распорядился, чтобы Макгайр в эту ночь спал на раскладушке внизу, перед палатой Смита, а сам поднялся к себе и лег.

Раздеваясь, он снова мысленно перебирал невероятные события последних недель. Сверхчеловек. А почему бы и нет? Волевой, сильный...

Он улегся в постель.

Когда же? Когда Смит "вылупится" из своей скорлупы? Когда?

Дождь тихонько шуршал по крыше санатория.

Макгайр дремал на раскладушке под ропот дождя и грохот грома, слышалось его шумное, тяжелое дыхание. Где-то скрипнула дверь, но он дышал все так же ровно. По прихожей пронесся порыв ветра. Макгайр всхрапнул, повернулся на другой бок. Тихо затворилась дверь, сквозняк прекратился.

Смягченные толстым ковром тихие шаги. Медленные шаги, опасливые, крадущиеся, настороженные. Шаги. Макгайр мигнул, открыл глаза.

В полутьме кто-то над ним наклонился.

Выше, на площадке лестницы, горит одинокая лампочка, желтоватая полоска света протянулась рядом с койкой Макгайра.

В нос бьет резкий запах раздавленного насекомого. Шевельнулась чья-то рука. Кто-то силится заговорить.

У Макгайра вырвался дикий вопль.

Рука, что протянулась в полосу света, зеленая.

Зеленая!

- Смит!

Тяжело топая, Макгайр с криком бежит по коридору.

- Он ходит! Не может ходить, а ходит!

Всей тяжестью он налетает на дверь, и дверь распахивается. Дождь и ветер со свистом набрасываются на него, он выбегает в бурю, бессвязно, бессмысленно бормочет.

А тот, в прихожей, недвижим. Наверху распахнулась дверь, по лестнице сбегает Рокуэл. Зеленая рука отдернулась из полосы света, спряталась за спиной.

- Кто здесь? - остановясь на полпути, спрашивает Рокуэл.

Тот выходит на свет.

Рокуэл смотрит в упор, брови сдвинулись.

- Хартли! Что ты тут делаешь, почему вернулся?

- Кое-что случилось, - говорит Хартли. - А ты поди-ка приведи Макгайра. Он выбежал под дождь и лопочет, как полоумный.

Рокуэл не стал говорить, что думает. Быстро, испытующе оглядел Хартли и побежал дальше - по коридору, за дверь, под дождь.

- Макгайр! Макгайр, дурья голова, вернись!

Бежит под дождем, струи так и хлещут. На Макгайра наткнулся чуть не в сотне шагов от дома, тот бормочет:

- Смит... Смит там ходит...

- Чепуха. Просто это вернулся Хартли.

- Рука зеленая, я видел. Она двигалась.

- Тебе приснилось.

- Нет. Нет! - В дряблом, мокром от дождя лице Макгайра ни кровинки. - Я видел, рука зеленая, верно тебе говорю. А зачем Хартли вернулся? Ведь он...

При звуке этого имени Рокуэла как ударило, он разом понял. Пронзило страхом, мысли закружило вихрем - опасность! - резнул отчаянный зов: на помощь!

- Хартли!

Рокуэл оттолкнул Макгайра, рванулся, закричал и со всех ног помчался к санаторию. В дом, по коридору...

Дверь в палату Смита взломана.

Посреди комнаты с револьвером в руке - Хартли. Услыхал бегущего Рокуэла, обернулся. И вмиг оба действуют. Хартли стреляет, Рокуэл щелкает выключателем.

Тьма. И вспышка пламени, точно на моментальной фотографии высвечено сбоку застывшее тело Смита. Рокуэл метнулся в сторону вспышки. И уже в прыжке, потрясенный, понял, почему вернулся Хартли. В секунду, пока не погас свет, он увидел руку Хартли.

Пальцы, покрытые зеленой чешуей.

Потом схватка врукопашную. Хартли падает, и тут снова вспыхнул свет, на пороге мокрый насквозь Макгайр, выговаривает трясущимися губами:

- Смит... он убит?

Смит не пострадал. Пуля прошла выше.

- Болван, какой болван! - кричит Рокуэл, стоя над обмякшим на полу Хартли. - Великое, небывалое событие, а он хочет все погубить!

Хартли пришел в себя, говорит медленно:

- Надо было мне догадаться. Смит тебя предупредил.

- Ерунда, он... - Рокуэл запнулся, изумленный. Да, верно. То внезапное предчувствие, смятение в мыслях. Да. Он с яростью смотрит на Хартли. - Ступай наверх. Просидишь до утра под замком. Макгайр, иди и ты. Не спускай с него глаз.

Макгайр говорит хрипло:

- Погляди на его руку. Ты только погляди. У Хартли рука зеленая. Там в прихожей был не Смит - Хартли!

Хартли уставился на свои пальцы.

- Мило выглядит, а? - говорит он с горечью. - Когда Смит заболел, я тоже долго был под этим излучением. Теперь я стану таким... такой же тварью... как Смит. Это со мной уже несколько дней. Я скрывал. Старался молчать. Сегодня почувствовал - больше не могу, вот и пришел его убить, отплатить, он же меня погубил...

Сухой резкий звук, что-то сухо треснуло. Все трое замерли.

Три крохотных чешуйки взлетели над Смитовой скорлупой, покружили в воздухе и мягко опустились на пол.

Рокуэл вмиг очутился у стола, вгляделся.

- Оболочка начинает лопаться. Трещина тонкая, едва заметная - треугольником, от ключиц до пупка. Скоро он выйдет наружу!

Дряблые щеки Макгайра затряслись:

- И что тогда?

- Будет у нас сверхчеловек, - резко, зло отозвался Хартли. - Спрашивается: на что похож сверхчеловек? Ответ: никому не известно.

С треском отлетели еще несколько чешуек. Макгайра передернуло.

- Ты попробуешь с ним заговорить?

- Разумеется.

- С каких это пор... бабочки... разговаривают?

- Поди к черту, Макгайр!

Рокуэл засадил их обоих для верности наверху под замок, а сам заперся в комнате Смита и лег на раскладушку, готовый бодрствовать всю долгую дождливую ночь - следить, вслушиваться, думать.

Следить, как отлетают чешуйки ломкой оболочки, потому что из куколки безмолвно стремится выйти наружу Неведомое.

Ждать осталось каких-нибудь несколько часов. Дождь стучится в дом, струи сбегают по стеклу. Каков-то он теперь будет с виду, Смит? Возможно, изменится строение уха, потому что станет тоньше слух; возможно, появятся дополнительные глаза; изменятся форма черепа, черты лица, весь костяк, размещение внутренних органов, кожные ткани; возможно несчетное множество перемен.

Рокуэла одолевает усталость, но уснуть страшно. Веки тяжелеют, тяжелеют. А вдруг он ошибся? Вдруг его домыслы нелепы? Вдруг Смит внутри этой скорлупы - вроде медузы? Вдруг он - безумный, помешанный... или совсем переродился и станет опасен для всего

человечества? Нет. Нет. Рокуэл помотал затуманенной головой. Смит - совершенство. Совершенство. В нем нет места ни единой злой мысли. Совершенство.

В санатории глубокая тишина. Только и слышно, как потрескивают чешуйки хрупкой оболочки, падая на пол...

Рокуэл уснул. Погрузился во тьму, и комната исчезла, нахлынули сны. Снилось, что Смит поднялся, идет, движения угловатые, деревянные, а Хартли, пронзительно крича, опять и опять заносит сверкающий топор, с маху рубит зеленый панцирь и превращает живое существо в отвратительное месиво. Снился Макгайр - бегаёт под кровавым дождем, бессмысленно лопочет. Снилось...

Жаркое солнце. Жаркое солнце заливает палату. Уже утро. Рокуэл протирает глаза, смутно встревоженный тем, что кто-то поднял шторы. Кто-то поднял... Рокуэл вскочил как ужаленный. Солнце! Шторы не могли, не должны были подняться. Сколько недель они не поднимались! Он закричал.

Дверь настежь. В санатории тишина. Не смея повернуть голову, Рокуэл косится на стол. Туда, где должен бы лежать Смит.

Но его там нет.

На столе только и есть, что солнечный свет. Да еще какие-то опустелые остатки. Все, что осталось от куколки. Все, что осталось.

Хрупкие скорлупки - расщепленный надвое профиль, округлый осколок бедра, полоска, в которой угадывается плечо, обломок грудной клетки - разбитые останки Смита!

А Смит исчез. Подавленный, еле держась на ногах, Рокуэл подошел к столу. Точно маленький, стал копать в тонких шуршащих обрывках кожи. Потом круто повернулся и, шатаясь как пьяный, вышел из палаты, тяжело затопал вверх по лестнице, закричал:

- Хартли! Что ты с ним сделал? Хартли! Ты что же, убил его, избавился от трупа, только куски скорлупы оставил и думаешь сбить меня со следа?

Дверь комнаты, где провели ночь Макгайр и Хартли, оказалась запертой. Трясущимися руками Рокуэл повернул ключ в замке. И увидел их обоих в комнате.

- Вы тут, - сказал растерянно. - Значит, вы туда не спускались. Или, может, отперли дверь, пошли вниз, вломились в палату, убили Смита и... нет, нет.

- А что случилось?

- Смит исчез! Макгайр, скажи, выходил Хартли отсюда?

- За всю ночь ни разу не выходил.

- Тогда... есть только одно объяснение... Смит выбрался ночью из своей скорлупы и сбежал! Я его не увижу, мне так и не удастся на него посмотреть, черт подери совсем! Какой же я болван, что заснул!

- Ну, теперь все ясно! - заявил Хартли. - Смит опасен, иначе он бы остался и дал нам на себя посмотреть. Одному Богу известно, во что он превратился.

- Значит, надо искать. Он не мог уйти далеко. Надо все обыскать! Быстрее, Хартли! Макгайр!

Макгайр тяжело опустился на стул.

- Я не двинусь с места. Он и сам отыщется. С меня хватит.

Рокуэл не стал слушать дальше. Он уже спускался по лестнице, Хартли за ним по пятам. Через несколько минут за ними, пыхтя и отдуваясь, двинулся Макгайр.

Рокуэл бежал по коридору, приостанавливаясь у широких окон, выходящих на пустыню и на горы, озаренные утренним солнцем. Выглядывал в каждое окно и спрашивал себя: да есть ли хоть капля надежды найти Смита? Первый сверхчеловек. Быть может, первый из очень и очень многих. Рокуэла прошиб пот. Смит не должен был исчезнуть, не показавшись сперва хотя бы ему, Рокуэлу. Не мог он вот так исчезнуть. Или все же мог?

Медленно отворилась дверь кухни.

Порог переступила нога, за ней другая. У стены поднялась рука. Губы выпустили струйку сигаретного дыма.

- Я кому-то понадобился?

Ошеломленный Рокуэл обернулся. Увидел, как изменился в лице Хартли, услышал, как задохнулся от изумления Макгайр. И у всех троих вырвалось разом, будто под суфлера:

- Смит!

Смит выдохнул струйку дыма. Лицо ярко-розовое, словно его нажгло солнцем, голубые глаза блестят. Ноги босы, на голое тело накинута старый халат Рокуэла.

- Может, вы мне скажете, куда это я попал? И что со мной было в последние три месяца - или уже четыре? Тут что, больница?

Разочарование обрушилось на Рокуэла тяжким ударом. Он трудно глотнул.

- Привет. Я... То есть... Вы что же... вы ничего не помните?

Смит выставил растопыренные пальцы:

- Помню, что позеленел, если вы это имеете в виду. А потом - ничего.

И он взъерошил розовой рукой каштановые волосы - быстрое, сильное движение того, кто вернулся к жизни и радуется, что вновь живет и дышит.

Рокуэл откачнулся, бессильно прислонился к стене. Потрясенный, спрятал лицо в ладонях, тряхнул головой, потом, не веря своим глазам, спросил:

- Когда вы вышли из куколки?

- Когда я вышел... откуда?

Рокуэл повел его по коридору в соседнюю комнату, показал на стол.

- Не пойму, о чем вы, - просто, искренне сказал Смит. - Я очнулся в этой комнате полчаса назад, стою и смотрю - я совсем голый.

- И это все? - обрадованно спросил Макгайр. У него явно полегчало на душе.

Рокуэл объяснил, откуда взялись остатки скорлупы на столе. Смит нахмурился.

- Что за нелепость. А вы, собственно, кто такие?

Рокуэл представил их друг другу.

Смит мрачно поглядел на Хартли.

- Сперва, когда я заболел, явились вы, верно? На завод электронного оборудования. Но это же все глупо. Что за болезнь у меня была?

Каждая мышца в лице Хартли напряглась до отказа.

- Никакая не болезнь. Вы-то разве ничего не знаете?

- Я очутился с незнакомыми людьми в незнакомом санатории. Очнулся голый в комнате, где какой-то человек спал на раскладушке. Очень хотел есть. Пошел бродить по санаторию. Дошел до кухни, отыскал еду, поел, услышал какие-то взволнованные голоса, а теперь мне заявляют, будто я вылутился из куколки. Как прикажете все это понимать? Кстати, спасибо за халат, за еду и сигареты, я их взял взаймы. Сперва я просто не хотел вас будить, мистер Рокуэл. Я ведь не знал, кто вы такой, но видно было, что вы смертельно устали.

- Ну, это пустяки. - Рокуэл отказывался верить горькой очевидности. Все рушится. С каждым словом Смита недавние надежды рассыпаются, точно разбитая скорлупа куколки. - А как вы себя чувствуете?

- Отлично. Полон сил. Просто замечательно, если учесть, как долго я пробыл без сознания.

- Да, прямо замечательно, - сказал Хартли.

- Представляете, каково мне стало, когда я увидел календарь. Стольких месяцев - бац - как не бывало! Я все гадал, что же со мной делалось столько времени.

- Мы тоже гадали.

Макгайр засмеялся:

- Да не приставай к нему, Хартли. Просто потому, что ты его ненавидел...

Смит недоуменно поднял брови:

- Ненавидели? Меня? За что?

- Вот. Вот за что! - Хартли растопырил пальцы. - Ваше проклятое облучение. Ночь за ночью я сидел около вас в вашей лаборатории. Что мне теперь с этим делать?

- Тише, Хартли, - вмешался Рокуэл. - Сядь. Успокойся.

- Ничего я не сяду и не успокоюсь! Неужели он вас обоих одурачил? Это же подделка под человека! Этот розовый молодчик затеял такой страшный обман, какого еще свет не видал! Если у вас осталось хоть на грош соображения, убейте этого Смита, пока он не улизнул!

Рокуэл попросил извинить вспышку Хартли. Смит покачал головой:

- Нет, пускай говорит дальше. Что все это значит?

- Ты и сам знаешь! - в ярости заорал Хартли. - Ты лежал тут месяц за месяцем, подслушивал, строил планы. Меня не проведешь. Рокуэла ты одурачил, теперь он разочарован. Он ждал, что ты станешь сверхчеловеком. Может, ты и есть сверхчеловек. Так ли, эдак ли, но ты уже никакой не Смит. Ничего подобного. Это просто еще одна твоя уловка. Запутываешь нас, чтоб мы не узнали о тебе правды, чтоб никто ничего не узнал. Ты запросто можешь нас убить, а стоишь тут и уверяешь, будто ты человек как человек. Так тебе удобнее. Несколько минут назад ты мог удрать, но тогда у нас остались бы подозрения. Вот ты и дождался нас, и уверяешь, будто ты просто человек.

- Он и есть просто человек, - жалобно вставил Макгайр.

- Неправда. Он думает не по-людски. Чересчур умен.

- Так испытай его, проверь, какие у него ассоциации, - предложил Макгайр.

- Он и для этого чересчур умен.

- Тогда все очень просто. Возьмем у него кровь на анализ, прослушаем сердце, вприснем сыворотки.

На лице Смита отразилось сомнение.

- Я чувствую себя подопытным кроликом. Разве что вам уж очень хочется. Все это глупо.

Хартли возмутился. Посмотрел на Рокуэла, сказал:

- Давай шприцы.

Рокуэл достал шприцы. "Может быть, Смит все-таки сверхчеловек, - думал он. - Его кровь - сверхкровь. Смертельна для микробов. А сердцебиение? А дыхание? Может быть, Смит - сверхчеловек, но сам этого не знает. Да. Да, может быть..."

Он взял у Смита кровь, положил стекло под микроскоп. И сник, ссутулился. Самая обыкновенная кровь. Вводишь в нее микробы - и они погибают в обычный срок. Она уже не сверхсмертельна для бактерий. И неведомый икс-раствор исчез. Рокуэл горестно вздохнул. Температура у Смита нормальная. Пульс тоже. Нервные рефлексy, чувствительность - ни в чем никаких отклонений.

- Что ж, все в порядке, - негромко сказал Рокуэл.

Хартли повалился в кресло, глаза широко раскрыты, костлявыми руками стиснул виски.

- Простите, - выдохнул он. - Что-то у меня... ум за разум... верно, воображение разыгралось. Так тянулись эти месяцы. Ночь за ночью. Стал как одержимый, страх одолел. Вот и свалил дурака. Простите. Простите. - И уставился на свои зеленые пальцы. - А что ж будет со мной?

- У меня все прошло, - сказал Смит. - Думаю, и у вас пройдет. Я вам сочувствую. Но это было не так уж скверно... В сущности, я ничего не помню.

Хартли явно отпустило.

- Но... да, наверно, вы правы. Мало радости, что придется вот так заостенеть, но тут уж ничего не поделаешь. Потом все пройдет.

Рокуэлу было тошно. Слишком жестоко он обманулся. Так не щадить себя, так ждать и жаждать нового, неведомого, сгорать от любопытства - и все зря. Стало быть, вот он каков, человек, что вылутился из куколки? Тот же, что был прежде. И все надежды, все домыслы напрасны.

Он жадно глотнул воздух, попытался остановить тайный неистовый бег мысли. Смятение. Сидит перед ним розовощекий, звонкоголосый человек, спокойно покуривает... просто-напросто человек, который страдал какой-то кожной болезнью - временно отвердела кожа да еще под действием облучения разладилась на время внутренняя секреция, - но сейчас он опять человек как человек, и не более того. А буйное воображение Рокуэла, неистовая фантазия разыгрались - и все проявления странной болезни сложились в некий желанный вымысел, в несуществующее совершенство. И вот Рокуэл глубоко потрясен, взбудоражен и разочарован.

Да, то, что Смит жил без пищи, его необыкновенно защищенная кровь, крайне низкая температура тела и другие преимущества - все это лишь проявления странной болезни. Была болезнь, и только. Была - и прошла, миновала, кончилась и ничего после себя не оставила, кроме хрупких осколков скорлупы на залитом солнечными лучами столе. Теперь можно будет понаблюдать за Хартли, если и его болезнь станет развиваться, и потом доложить о новом недуге врачебному миру.

Но Рокуэла не волновала болезнь. Его волновало совершенство. А совершенство лопнуло, растрескалось, рассыпалось и сгнуло. Сгнула его мечта. Сгинул выдуманный сверхчеловек. И теперь ему плевать, пускай хоть весь свет обрастет жесткой скорлупой, позеленеет, рассыплется, сойдет с ума.

Смит обошел их всех, каждому пожал руку.

- Мне нужно вернуться в Лос-Анджелес. Меня ждет на заводе важная работа. Пора приступить к своим обязанностям. Жаль, что не могу остаться у вас подольше. Сами понимаете.

- Вам надо бы остаться и отдохнуть хотя бы несколько дней, - сказал Рокуэл, горько ему было видеть, как исчезает последняя тень его мечты.

- Нет, спасибо. Впрочем, этак через неделю я к вам загляну, доктор, обследуете меня еще раз, хотите? Готов даже с годик заглядывать, примерно раз в месяц, чтоб вы могли меня проверить, ладно?

- Да. Да, Смит. Пожалуйста, приезжайте. Я хотел бы еще потолковать с вами об этой вашей болезни. Вам повезло, что остались живы.

- Я вас подвезу до Лос-Анджелеса, - весело предложил Макгайр.

- Не беспокойтесь. Я дойду до Туджунги, а там возьму такси. Хочется пройтись. Давненько я не гулял, погляжу, что это за ощущение.

Рокуэл ссудил ему пару старых башмаков и поношенный костюм.

- Спасибо, доктор. Постараюсь как можно скорей вернуть вам все, что задолжал.

- Ни гроша вы мне не должны. Было очень интересно.

- Что ж, до свиданья, доктор. Мистер Макгайр. Хартли.

- До свиданья, Смит.

- До свиданья.

Смит пошел по дорожке к старому руслу, дно ручья уже совсем пересохло и растрескалось под лучами предвечернего солнца. Смит шагал непринужденно, весело, посвистывал. "Вот мне сейчас не свищется", - устало подумал Рокуэл.

Один раз Смит обернулся, помахал им рукой, потом поднялся на холм и стал спускаться с другой его стороны к далекому городу.

Рокуэл провожал его глазами - так смотрит малый ребенок, когда его любимое творение - замок из песка - подмывают и уносят волны моря.

- Не верится, - твердил он снова и снова. - Просто не верится. Все кончается так быстро, так неожиданно. Я как-то отупел, и внутри пусто.

- А по-моему, все прекрасно! - Макгайр радостно ухмылялся.

Хартли стоял на солнце. Мягко опущены его зеленые руки, и впервые за все эти месяцы, вдруг понял Рокуэл, совсем спокойно бледное лицо.

- У меня все пройдет, - тихо сказал Хартли. - Все пройдет, я поправлюсь. Ох, слава богу. Слава богу. Я не сделаюсь чудовищем. Я останусь самим собой. - Он обернулся к Рокуэлу. - Только запомни, запомни, не дай, чтоб меня по ошибке похоронили, ведь меня примут за мертвеца. Смотри, не забудь.

Смит пошел тропинкой, пересекающей сухое русло, и поднялся на холм. Близился вечер, солнце уже опускалось за дальние синеющие холмы. Проглянули первые звезды. В нагретом недвижимом воздухе пахло водой, пылью, цветущими вдали апельсиновыми деревьями.

Встрепенулся ветерок. Смит глубоко дышал. И шел все дальше.

А когда отошел настолько, что его уже не могли видеть из санатория, остановился и замер на месте. Посмотрел на небо.

Бросил недокуренную сигарету, тщательно затоптал. Потом выпрямился во весь рост - стройный, ладный, - отбросил со лба каштановые пряди, закрыл глаза, глотнул, свободно свесил руки вдоль тела.

Без малейшего усилия, - только чуть вздохнул теплый воздух вокруг, - Смит поднялся над землей.

Быстро, беззвучно взмыл он ввысь и вскоре затерялся среди звезд, устремляясь в космические дали...

Приложение 7

Сила Любви

Сказка

Восславим Творца, о друзья! Дел великость Его — малым нам назидание.

Некий Ученый, пленившийся песней Соловья, задумал постичь ее тайну. Часами, забыв о других весьма важных занятиях, слушал он вольную птицу в саду, но искусство ее оставалось ему все такой же загадкой. Он хотел разузнать все у самого Соловья, но это был гордый Ученый, и он не любил быть просителем. Однако же любопытство его взяло верх.

— Послушай, Соловей, — обратился он к птице важно, — я познал мудрость многих наук, но не могу понять: отчего и как ты поешь?

— Пой — и поймешь, — сказал Соловей.

— Что за странный совет! — удивился Ученый. — Или не видишь: я не артист. Мелодия твоей песни томит меня как ничто в целом мире. Поведай же, прошу, ее секрет!

— Пой, — сказал Соловей, — мне нечего добавить к этому.

Гнев затуманил взор Ученого.

— Упрямец, — зло прошептал он, — ты вздумал смеяться надо мной! Вот как ценима моя благосклонность. Ты не желаешь открыть мне свою тайну? Так погоди же, я возьму у тебя ее сам!

Он поймал певца и посадил его в клетку. Но в неволе Соловья будто подменили: он перестал петь!

— Эй, приятель, куда подевалась твоя песня? — досадливо вскричал Ученый, но ответом ему было глубокое молчание. «Должно быть, Соловей утаил ее в своем горле. Проклятая птица! А ну-ка погляжу, какие рулады она посмела скрыть от меня».

И сказав так, служитель науки убил прекрасную птицу. Острым лезвием он рассек ее горлышко, но не нашел ничего кроме бездыханной плоти. Тогда он решил искать глубже. Вспоров нежную грудку, он извлек внутренности и долго колдовал над ними, взвешивая и наблюдая в микроскоп.

Он очень старался, этот достойный Ученый, трудясь день и ночь без сна и отдыха. Увлечшись, он позабыл, чего искал вначале. А когда тетрадь его распухла от множества пометок, написал мудреный трактат «О Соловье», на треть из латинских слов и на четверть из греческих.

Трактат принес Ученому успех. Сановный двор воздал ему хвалу, и сам Первый Министр увенчал его венком из лавра. Седые академики рукоплескали его открытиям. Коллеги наперебой расточали похвалы.

— Какой талант у этого Ученого! Какой пытливый ум! — восторгались одни.

— Подумать только, он первым в мире исчислил объем соловьиных легких! — упоенно вторили им другие.

— И гортань, — поражались третьи, — он измерил ее как никто доныне! Есть ли равный ему в науке опыта?

Грудь Ученого украсили медалью. Она была из чистого золота, и Ученый мог по праву гордиться ею: ведь он так славно потрудился!

Ученый ликовал. К его возвращению прислуга навела в доме образцовый порядок. Когда вся обстановка сияла великолепием, взгляд горничной упал на труп небольшой птицы, одиноко лежащий на столе хозяина.

— Что за гадость! — всплеснула руками служанка. — И как это я не заметила его раньше?

И она смахнула легкие останки в корзину для мусора.

* * *

— Хвала, хвала Ученому! — трубили на всех площадях глашатаи.

— Почет и уважение достойнейшему из граждан! — зывали риторы в Высоком Собрании. Простодушный народ не мог сдержать радости, слыша эти слова. Смех и веселые возгласы звучали окрест. И посреди этого ликования лишь один человек не спешил разделить его, оставаясь тих и печален. Это был сам Ученый.

Слава пришла к Ученому, но покой оставил его. С тех пор как был написан трактат, приступы странной тревоги стали посещать его, едва лишь на землю спускались сумерки. Какая-то неодолимая сила влекла Ученого в сад, и там, стоя под ветвями, он напряженно вслушивался в вечернее безмолвие, словно пытался уловить нечто забытое и давно утраченное. Что же? Ученый не мог ответить. Ведь он имел почет и богатство, а что может быть нужно человеку помимо этого?

Однажды, когда глубокой ночью Ученый ворочался в своей постели в напрасных попытках заснуть, луч луны упал в раскрытое окно. Он легко коснулся лица Ученого, приглашая в путь, и Ученый, словно давно ждавший, откликнулся на этот призыв. Он взглянул в окно и увидел тропу из лунного сияния, серебром мерцавшую меж деревьев. Дивная легкость наполнила Ученого. Он пошел по тропе, и она привела его на край утеса, темной громадой высившегося над окрестными холмами и рощами.

Недвижимые, в небесной вышине сияли звезды. Внизу, припорошенные лунной пылью, ковром смыкались кроны деревьев, а оттуда... оттуда лились до боли знакомые чарующие звуки. То пел Соловей, и звенящая песня его широко и легко заполняла пространство. Даль, раскрывшись, внимала ее привету; ей, крылатой, внимали, склонясь, миры. И тогда Ученый понял, о чем тосковал все это время и зачем пришел сюда. «О Соловей, — произнес он, — мне только казалось, что я убил тебя, а ты жив и смерть не властна над твоею песней! Я погубил твое щедрое сердце, но теперь знаю, что должен был подарить тебе свое. Что ж, сегодня я исправляю эту ошибку».

Так сказал благородный Ученый. И светло улыбаясь, он шагнул в беспредельность ночи навстречу песне, которую так любил.

Ведь душа наша — птица, жизнь — песня.

Восславим Творца, о друзья! Дел великость Его — малым нам назидание.

Ермаков Олег Владимирович • Oleg V. Yermakov

Биографическая справка • Biographical information

Родился в 1961 году в г. Мичуринске Тамбовской области (Россия), там же окончил среднюю школу. В школьные годы — победитель VII Всесоюзного конкурса школьных сочинений в жанре очерка (1975). Окончил Киевский государственный университет им. Т.Г. Шевченко по специальности «химия» (1983). Около 10 лет работал в химической отрасли Украины, далее — в журналистике, пройдя путь от репортера до главного редактора всеукраинского журнала. Автор ряда изобретений и цикла трудов о Вселенной, работу над главным из которых, «Планета Любовь. Основы Единой теории Поля», вел в течение 22 лет (1987–2009). Член авторского сообщества «Википедии». Автор стихотворного сборника «Сила Любви» (2001), профессиональный художник-карикатурист.

Исследование Вселенной — мое основное занятие. Предаюсь ему со студенческой скамьи и считаю его наследственным: моя бабушка Надежда Зарецкая — конструктор антенного блока первого искусственного спутника Земли, запуск которого ознаменовал начало космической эры человечества, автор ряда изобретений в области ракетно-космической техники, а муж Надежды Георгиевны и мой дед Михаил Мамонтович Зарецкий — брат Нины Ивановны, жены С.П. Королёва, в КБ которого в подмосковных Подлипках бабушка проработала до пенсии. Покоряя Вселенную, в те скудные на житейские блага времена она, бесконечно влюбленная в Землю, страстно мечтала обзавестись ее клочком, чтобы посадить на нем сад. Мечта ее сбылась: хлопотами Сергея Павловича талантливая дочь России получила участок в Болшево (ныне часть г. Королёва), где вырастила чудесный сад и построила дом для большого семейства.

Женат, отец взрослого сына и дед троих внуков. Сейчас живу в Киеве.

Born in 1961 in Michurinsk, a town near Tambov, Russia, where I finished school. During my school years, I won the 7th USSR National School Essay Competition (1975). I graduated from the Kiev Taras Shevchenko State University with a Master's degree in Chemistry (1983). After 10 years in chemical industry in Ukraine, I decided to pursue a career in journalism, where I grew from a reporter to the editor-in-chief of a national magazine. I have a number of registered inventions. I am an author of a series of works about the Universe. My most important work, Planet Love. The basics of the Unified Field theory, or the Introduction to sacral linguistics, took me 22 years to write (1987 – 2009). Member of Wikipedia author community. Author of a published book of poetry Power of Love (2001). Professional caricaturist.

Researching the Universe is my primary occupation and a passion since college years. Passion for space runs in generations in my family: my grandmother Nadezhda Zaretskaya designed the aerial assembly of the first man-made Earth satellite, the launch of which started the space era of the humankind, and holds credit for a number of other space engineering inventions. Her husband, my grandfather Mikhail Zaretsky, is a brother of Nina Koroleva, wife of the great Sergey Korolev – it was in Korolev's Podlipki space design lab near Moscow that my grandmother worked all of her career until retirement. Despite her success conquering space, in those tough Soviet times, her biggest dream on our planet was to own a piece of land to grow a garden. Her dream eventually came true: through Sergey Korolev's patronage, the talented space engineer received a piece of land where she was finally able to grow a beautiful garden and build a house for her big family.

I live in Kiev with my wife. I am a father to a grown son and a grandfather of three.

Мой телефон:

+ 38 (066) 561-21-20

E-mail: nartin1961@gmail.com

Сайт, посвященный работе «Планета Любовь»:

<http://www.ivals61.narod.ru>

